РУССКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ:

МЕМУАРЫ САМОЙ ВЛИЯТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ АНГЛИИ

ОЛЬГА НОВИКОВА

Ольга Новикова

Русские воспоминания: мемуары самой влиятельной женщины Англии

https://litres.ru/74805212
SelfPub; 2026

Аннотация

Бенджамин Дизраэли прозвал ее «депутатом от России в Англии», а британская пресса считала опаснейшим агентом Петербурга и утверждала, что для своей родины эта женщина «стоит целой стотысячной армии».

Книга Ольги Алексеевны Новиковой (урожденной Киреевой) «Русские воспоминания», вышедшая в Лондоне в роковом 1917 году, впервые предстает перед русским читателем в полном комментированном переводе.

На страницах мемуаров оживает закулисье европейской политики и культуры второй половины XIX — начала XX века: доверительная дружба и переписка автора с премьер-министром У. Гладстоном, беседы с императором Николаем I, канцлером А. М. Горчаковым, генералом М. Д. Скобелевым, Ф. М. Достоевским, В. В. Верещагиным, Т. Карлейлем, Марком Твеном, Ф. Листом и П. И. Чайковским.

Издание снабжено подробными историко-биографическими комментариями и станет настоящим открытием для всех, кто интересуется историей Российской империи, дипломатии и русской мемуаристики.

Содержание

Введение	5
Предисловие редактора	11
Глава I. Русский дух	18
Глава II. Пробуждение России	35
Глава III. Г-н Гладстон и я боремся за мир	57
Глава IV. Г-н Гладстон	70
Глава V. Воспоминания о светской жизни	96
Глава VI. Император Николай I	121
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Ольга Новикова Русские воспоминания: мемуары самой влиятельной женщины Англии

Введение

Стивен Грэм

Быть может, со стороны человека моих лет покажется несколько самонадеянным писать предисловие к книге столь известной, глубоко уважаемой и прославленной особы, как госпожа Новикова. И все же, если в том нет тщеславия, представляется вполне справедливым, чтобы искренняя дань уважения была принесена ей именно нынешним поколением, пожинающим плоды ее жизни и трудов — великой новой дружбы между Англией и Россией.

Она — одна из самых замечательных женщин в европейских дипломатических кругах. Это яркая, самобытная нату-

ра, но более того — человек, поистине много свершивший на своем веку. О ней нельзя сказать, как о многих других блестящих женщинах: «Она родилась, ею восхищались, она ушла!» Сама судьба избрала ее орудием для достижения великих целей.

Для многих в нашем светском обществе она олицетворяла Россию, она *была* Россией. Для простого народа Англии Россия представлялась грязью гетто и преступлениями так называемых «политических» эмигрантов; для среднего класса, зачитывавшегося Сетоном Мерриманом[1], Россия казалась фантастической страной революционеров и кровожадной полиции; но, к счастью, правящие и высшие сословия всегда обладали более ясным взглядом: у них была возможность путешествовать, и они видели в своем кругу истинных представителей русского общества.

— Они варвары, эти русские! — говорит кто-нибудь своему приятелю.

Но тот пропускает эти слова мимо ушей.

— А мне довелось знать одного из них, — отвечает он.

Красивая и умная женщина всегда очаровывает, к какой бы нации она ни принадлежала, и ее личные победы зачастую ничего не говорят о народе, из которого она вышла. Это так, и именно здесь кроется подлинное обаяние и гений Оль-

[1] Мерриман, Сетон (Seton Merriman; наст. имя Хью Стоуэлл Скотт, 1862–1903) — популярный английский романист, автор приключенческих романов о России («Сеятели» и др.), изобиловавших стереотипами о тайной полиции и заговорщиках.

ги Алексеевны Новиковой. Она была не просто умной и очаровательной женщиной — она была самой Россией. Россия наделяла ее своим очарованием. Вот почему круг ее друзей составляли самые серьезные и деятельные умы Англии.

Гладстон[2] узнал от нее, что такое Россия. Великий либерал — человек, который при всех своих добродетелях и несмотря на высокий религиозный пыл все же направил либерализм по пути антиклерикализма и секуляризма, — научился от нее произносить слова «Святая Русь». Он глубоко чтил ее. Всей своей духовной природой он превозносил ее. Она была его Беатриче, и ей чаще, чем кому-либо иному в своей жизни, он приносил цветы. Морли[3] почему-то обошел это молчанием в своей биографии Гладстона. Подобно многим интеллектуальным радикалам, он боится идеализма. Но, по правде говоря, ключ к прекраснейшей стороне характера Гладстона можно было бы найти именно в его отношениях с госпожой Новиковой. И вполне возможно, что эта дружба заложила истинный фундамент взаимопонимания между двумя нациями.

Попутно позволю себе отметить и то растущее дружелю-

---

[2] Гладстон, Уильям Юарт (1809–1898) — выдающийся британский государственный деятель, лидер Либеральной партии, четырежды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Близкий друг и политический единомышленник О. А. Новиковой.

[3] Морли, Джон (1838–1923) — британский либеральный политик и литератор, автор фундаментальной трехтомной «Жизни Уильяма Юарта Гладстона» (1903).

бие к России, которое заметно в трудах Карлейля[4] той поры. Таким образом, стремление к дружбе носилось в воздухе еще в далекую викторианскую эпоху.

Другой теснейшей дружбой были отношения Кинглейка[5] и госпожи Новиковой, в которых вновь проявилось подлинное преклонение перед незаурядной женщиной. Энтони Фруд[6] поклонялся тому же алтарю, как и У. Т. Стед[7], и многие другие, чьими сердцами и руками созидалась современная Англия.

Удивительно щедрая и бескорыстная натура, полная неспособность быть скучной, испытывать скуку или считать скучной саму жизнь, восхитительное чувство юмора, изобретательный ум, светское изящество и при всем этом — нечто от богини. В ней ощущалось то особое величие, в присутствии которого люди входили с благоговением. И кроме

---

[4] Карлейль, Томас (1795–1881) — знаменитый британский философ, историк и публицист.

[5] Кинглейк, Александр Уильям (1809–1891) — английский историк и путешественник, автор книги путевых очерков о Востоке «Иофен» (Eothen, 1844) и восьмитомной истории Крымской войны «Вторжение в Крым» (The Invasion of the Crimea, 1863–1887).

[6] Фруд, Джеймс Энтони (1818–1894) — видный английский историк, биограф Томаса Карлейля, написавший предисловие к первой книге О. А. Новиковой «Права ли Россия?» (1878).

[7] Стед, Уильям Томас (1849–1912) — знаменитый британский журналист, редактор Pall Mall Gazette и основатель Review of Reviews, страстный сторонник англо-русского сближения и близкий друг О. А. Новиковой. Погиб при крушении лайнера «Титаник» 15 апреля 1912 года.

того, в ней зримо проявлялась русская душа. В чертах ее лица светился тот незнакомый нам огонек, за которым все мы сегодня тянемся через оперу, литературу и искусство, — русский гений.

Госпожа Новикова была полезна России, — говаривали порой с упреком. Да, она была полезна в деле укрепления мира между двумя Империями; для России она стоила целой действующей армии. Да, а ныне можно сказать, что она стоила целой действующей армии и для нас.

Когда на «Титанике» погиб Стед, ушел из жизни один из последних великих людей, преклонявшихся перед ее алтарем. Заметим, сколь велика была вера Стеда в Россию, и особенно в Россию Царя и Церкви. Ибо следует помнить, что Ольга Алексеевна Новикова принадлежит к России православной и никогда не питала ни малейшего сочувствия к России революционной. Это навлекло на нее немало врагов. Есть много русских с резкими политическими взглядами — людей по-своему достойных, но заблуждающихся, — которые выпускали в прошлом такую вредоносную макулатуру, как «Темнейшая Россия»[8]: журналы и памфлеты, где систематически расписывалось всё, что могло дискредитировать Царя и его правительство, каждый грязный скандал или загадочное происшествие современной русской жизни, после

[8] «Темнейшая Россия» (Darkest Russia) — антиправительственный бюллетень, издававшийся в Лондоне в 1890–1910-х годах при участии русских политэмигрантов и критиковавший внутреннюю политику Российской империи.

чего всё это бесплатно рассылалось нашему духовенству и прочим лицам. Им госпожа Новикова, разумеется, ненавистна. Но мы, англичане, спросим себя: кто помог нам понять «Светлейшую Россию» — ту Россию, что стоит сегодня под ружьем? И вся хвала, и вся благодарность за это принадлежат ей.

СТИВЕН ГРЭМ.[9]

Москва,
27 августа 1916 г.

[9] Грэм, Стивен (Stephen Graham, 1884–1975) — известный британский писатель, журналист и путешественник, популяризатор русской духовной культуры в Великобритании накануне и во время Первой мировой войны.

Предисловие редактора

Покойный У. Т. Стед, сказав однажды госпоже Новиковой: «Когда вы умрете, какой же некролог я о вас напишу!», сделал ей величайший комплимент — точно так же, как и Дизраэли[10] (хотя и невольно), когда назвал ее «депутатом от России в Англии». С тем непревзойденным тактом, который никогда ей не изменяет, Ольга Алексеевна уклонилась от комплимента первого и оправдала сарказм второго. Дизраэли по справедливости мог бы добавить, что она была также и «депутатом от Англии в России»; ибо если в Англии она казалась русофилкой, то в России ее многократно упрекали в англофильстве.

О редкой женщине говорили и писали столь противоречивые вещи — вещи, наглядно отражающие постепенные колебания политического барометра; но даже самые суровые критики косвенно отдавали дань ее выдающейся личности уже тем, что страшились ее влияния. В мрачные дни, когда Великобритания и Россия видели друг в друге лишь потенциальных противников, в нашей стране на нее смотрели как

[10] Дизраэли, Бенджамин, 1-й граф Биконсфилд (1804–1881) — британский государственный деятель и писатель, лидер Консервативной партии, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 годах, главный политический оппонент У. Ю. Гладстона и проводник протурецкого курса в период Восточного кризиса 1870-х годов.

на русского агента, чей каждый шаг давал пищу для подозрительных домыслов, как на угрозу национальной безопасности, как на сирену, чья цель — сманить британских политиков с пути верности отечеству. Куда бы она ни направлялась, общественное мнение усматривало в этом некий зловещий умысел. Если она приезжала в Лондон с простой целью усовершенствовать свой английский, для известной части прессы это означало русскую «дипломатическую активность». Один английский журналист заявил, что Царь должен «очень гордиться ею», поскольку она преуспела там, где «потерпели неудачу русские газеты, послы и посланники»; другой утверждал, что для своей страны она «стоит стотысячной армии»; третий называл ее «буревестником». Словом, в ней видели всё что угодно — от русского агента до государственной опасности, — всё, кроме того единственного, чем она открыто себя объявляла: русской женщины, жаждущей мира и процветания для своей родины.

В Сербии есть маленькая деревушка, название которой увековечивает память о гибели русского героя — Николая Киреева, брата Ольги Алексеевны Новиковой[11]. В его смерти было заложено зерно англо-русского союза. Безутешная в

[11] Киреев, Николай Алексеевич (1841–1876) — младший брат О. А. Новиковой, отставной ротмистр лейб-гвардии Конного полка, член Славянского благотворительного комитета. В 1876 году под именем Хаджи-Гирея командовал русско-сербским добровольческим отрядом и героически погиб 6 (18) июля 1876 года в бою у села Раковица (близ Заечара); в его честь сербская деревня Великий Извор была переименована в Киреево.

своем горе, госпожа Новикова винила в этой утрате Великобританию. Она утверждала, что если бы наша страна отказалась потворствовать невыразимым злодеяниям турок в 1876 году, то не было бы ни зверств, ни русских добровольцев, ни самой войны. С того самого дня она преисполнилась решимости сделать всё от нее зависящее, чтобы добиться лучшего взаимопонимания между Великобританией и Россией. Долгие годы она ни на миг не ослабляла своих усилий и дожила до того дня, когда увидела, быть может, величайший памятник, какой когда-либо воздвигала сестра в память о брате, — Англо-русский союз.

Ничто не могло поколебать ее дух, а в минуты, когда война казалась неизбежной, она лишь удваивала усилия. Во всех своих трудах ей приходилось опираться главным образом на собственную горячность и искренность. Именно эта искренность и глубокая убежденность в правоте своего дела побудили Гладстона стать ее бесстрашным союзником. С точки зрения политики он скомпрометировал себя своей открытой поддержкой ее призывов к миру и согласию.

На протяжении многих лет страсти в нашей стране кипели слишком сильно, чтобы к призывам госпожи Новиковой могли отнестись с трезвым рассудком. Разговоры о «почетном мире» превратились в бессмысленную дежурную фразу; в противном случае все увидели бы, что именно «почетный мир» она и отстаивала и никогда не переставала отстаивать — почетный мир не для одного, а для двух великих народов.

Медленно взоры империи перемещались с одного континента на другой, и постепенно голос госпожи Новиковой привлекал к себе всё большее внимание, пока наконец Англо-русское соглашение[12] не проложило путь к нынешнему Союзу.

Своим успехом она во многом обязана избранным ею методам. Она наносила и принимала тяжелые удары, никогда не прикрываясь своей принадлежностью к женскому полу как аргументом или щитом. Она сражалась с мужчинами и сражалась мужским оружием, что снискало ей уважение как честному и достойному противнику. Даже в те времена, когда настроения в обществе были наиболее враждебны ее делу, в газетах появлялось множество искренних отзывов, отдававших должное ее способностям и личности. Сама подозрительность, которой ее окружали, уже была своеобразным признанием ее заслуг.

Позднее, когда Россия и Великобритания сблизились, в печати появились одни из самых удивительных похвал, каких когда-либо удостаивалась женщина; из справедливости к ней и к прессе я осмелюсь привести здесь лишь несколько из великого множества подобных высказываний.

«Если бы мы писали — а мы надеемся, что этот день да-

[12] Англо-русское соглашение (конвенция) было подписано в Санкт-Петербурге 18 (31) августа 1907 года министром иностранных дел России А. П. Извольским и послом Великобритании сэром Артуром Николсоном, завершив формирование Тройственного согласия (Антанты).

лёк, — о жизненном пути мадам Ольги Новиковой, мы начали бы с того, что она была одной из самых замечательных женщин своего времени». — Daily Graphic.

«Каковы бы ни были политические пристрастия читателя, он едва ли станет оспаривать право госпожи Новиковой считаться одной из самых выдающихся женщин своего поколения». — Daily Telegraph.

«Никто не откажет госпоже Новиковой в праве на почетное место в истории... На протяжении почти десяти лет ее влияние на ход национальной политики было, вероятно, сильнее, чем у любой другой женщины». — Daily News.

Госпожа Новикова, «которая в течение стольких лет занимала в Лондоне такое общественное и политическое положение, с каким мало кто из женщин — и уж точно ни один посол — не мог бы сравниться». — Observer.

«От начала и до конца репутация госпожи Новиковой чиста и безупречна. Нет ни малейшего свидетельства какой-либо интриги с ее стороны, какой-либо попытки использовать государственного деятеля, на которого она имела влияние, в неблаговидных целях или же действовать за или против какого-то конкретного лица в ее собственной стране». — Westminster Gazette.

«Редко кому выпадает счастье увидеть столь полное воплощение своих трудов, какое видит эта удивительная дама, всю свою жизнь посвятившая одной, и почти исключительно одной цели — англо-русскому взаимопониманию». — Daily Mail.

И вот теперь, на осени своей жизни (слово «зима» невозможно отнести к столь кипучей натуре), Ольга Алексеевна Новикова увидела, как многолетние труды ее увенчались успехом. Сегодня она принимает столь же живое участие в общественных делах — особенно во всем, что касается ее возлюбленной России, — как и в те дни, когда жизнь ее была непрерывной схваткой с духом войны. Во время подготовки этих «Воспоминаний» я воочию убедился в ее усердии, трудолюбии и силе характера. В прошлом я часто спрашивал себя, в чем кроется секрет поразительного успеха госпожи Новиковой. Теперь я это знаю. Раз за разом, когда мы смотрели на вещи под разным углом, я обнаруживал, что уже принял ее точку зрения прежде, чем сам успевал заметить, что сдаю позиции.

Из всех комплиментов, когда-либо сказанных госпоже Новиковой, более всего ей самой, вероятно, дорог тот, что недавно появился в одной ежедневной лондонской газете под пером известного знатока русской жизни, назвавшего ее «истинно русской».

Эта книга — не автобиография, ибо Ольга Алексеевна всегда отказывалась брать на себя подобное бремя. Во-первых, она полагает, что такая книга вышла бы слишком длинной, а во-вторых — слишком личной. «Обо мне и так говорили вполне достаточно, — обычно отвечает она, — чтобы я еще сама начинала рассказывать о себе». В 1909 году под редакцией покойного У. Т. Стеда вышел двухтомник «Депутат от России» (*The M.P. for Russia*), где подробно рассказывалось о ее общении с выдающимися друзьями: Гладстоном, Кинглейком, Вильерсом, Кларендоном, Карлейлем, Тиндалем, Фрудом и другими. «Их уже взяли, — говорит она, — а я осталась»[13]. Но она продолжала свой труд, и многие друзья убеждали ее, что именно сейчас, более чем когда-либо, она должна лично рассказать кое-что из своих русских воспоминаний. Как выражается она сама: «Сорок лет я блуждала по пустыне, и ныне мне даровано счастье вступить в Землю Обетованную. Наконец-то врата отверзлись. Теперь мы — братья по оружию».

Редактор.[14]

---

[13] Аллюзия на евангельские слова Христа: «Тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется» (Мф. 24:40).

[14] Личность редактора в оригинальном издании не раскрыта (текст подготовлен издателем Гербертом Дженкинсом при непосредственном участии самой О. А. Новиковой).

Глава I. Русский дух

Июль 1914 года. — Патриотический подъем в Москве. — Осуществление моей мечты. — Англия и Россия — союзники. — Праведная война. — Раненые герои. — Вера России в победу. — Призыв нашего Государя. — Величие Англии. — Мое знакомство с г-ном Гладстоном и г-ном Дизраэли. — «Депутат от России в Англии». — Заступничество г-на Гладстона. — Непопулярное дело.

Я находилась в Москве, когда прозвучал могучий голос нашего Монарха в защиту маленькой Сербии[15]. Я проезжала в экипаже близ Тверского бульвара, как вдруг мимо меня пронеслась шумная толпа и ворвалась в соседний ресторан.

— Что всё это значит? — воскликнула я. — Неужели беспорядки? Они требуют спиртного?

— О нет, — ответили стоявшие рядом прохожие. — Они лишь хотят вызвать оркестр и заставить его сыграть народный гимн.

Я остановила коляску.

Появился оркестр и заиграл наш гимн «Боже, Царя хра-

---

[15] Речь идет о Высочайшем манифесте Императора Николая II от 20 июля (2 августа) 1914 года о вступлении России в войну, в котором говорилось, что Россия не может остаться безучастной к участи «братской нам по крови и вере Славянской Сербии».

ни!», а вся толпа в неистовстве восторга подхватила его.

Восхищенная и растроганная до глубины души, я последовала за ними. Большинство пели и кричали «Ура!», иные молились и осеняли себя крестным знамением, а людской поток всё прибывал.

Подобные сцены повторялись ежедневно в разных концах города. Однажды вечером праздная толпа собралась у Храма Христа Спасителя. Вышел священник с крестом. Вся площадь опустилась на колени и стала молиться. Таких мгновений забыть невозможно — поистине, за них можно лишь благодарить Бога.

Говорят, в Петрограде[16] манифестации были еще величественнее. Быть может, и так — но всякий раз, когда Государь посещает Москву и обращается к ней со своим мощным, воодушевляющим словом, древняя столица поднимается на недосягаемую высоту патриотического восторга и готовности к безграничному самопожертвованию.

Несколько дней спустя я осознала, что великая мечта всей моей жизни вот-вот осуществится — и не просто в виде *сердечного согласия* (*entente*), но в виде настоящего союза между Россией и той страной, которая подарила мне стольких друзей и оказала такое великолепное гостеприимство. И все же сколь иначе всё произошло по сравнению с тем, что я се-

[16] Санкт-Петербург был переименован в Петроград Высочайшим повелением Николая II 18 (31) августа 1914 года на волне патриотических настроений. В своих воспоминаниях О. А. Новикова ретроспективно использует название «Петроград» и для описания событий XIX века.

бе представляла после подписания Англо-русского соглашения! То было не постепенное сближение двух держав ради мирного наслаждения взаимной дружбой, но внезапное открытие, что перед ними стоит общий враг, с которым должно сразиться, общий идеал, который нужно отстоять, и общая цивилизация, которую необходимо спасти.

Много лет назад я писала: «Я хочу быть провозвестницей мира, надежды и грядущего процветания» — и вот великая цель моей жизни осуществлялась под дробь барабанов и грохот несущих разрушение орудий.

История повторялась. Как и в 1875 году, славянский народ подвергался угнетению, ему грозило полное уничтожение, и великое сердце России дрогнуло. Я так ясно помню те дни сорокалетней давности, когда наше Министерство иностранных дел всеми силами пыталось удержать безрассудное рыцарство русского народа — а между тем все сословия были исполнены решимости пожертвовать всем, даже самой жизнью, ради своих угнетенных единоверцев, болгар.

В том августе, тридцатью восьмью годами ранее (в 1876 году), сам Петроград (всегда более осторожный и сдержанный, нежели Москва) выказал такой порыв сочувствия делу христианских славян, который креп изо дня в день. Он охватил все слои общества — от князя до крестьянина.

Сострадание народных масс было вызвано зверствами, которые творились в Болгарии с обычной для турок невыразимой жестокостью. Однако это сочувствие носило главным

образом религиозный, а не политический характер, и, как почти во всех великих народных движениях, наш Государь[17] был всецело един со своим народом. Повсюду устраивались общественные сборы в пользу больных и раненых.

Чины Красного Креста, придворные и светские дамы обходили дом за домом, собирая пожертвования.

На железнодорожных вокзалах, на пароходах и даже в конках — всюду присутствовал Красный Крест с опечатанными кружками для пожертвований. Прилагались все усилия к тому, чтобы пробудить сострадание к страждущим христианам и пополнить средства на устройство лазаретов для больных и раненых.

И вот в 1914 году новое великое национальное чувство пронеслось над тремястами миллионами людей. То не была война ради корысти или наживы; она не была вызвана каким-либо оскорблением, нанесенным России, или нарушением ее границ; она стала следствием глубокого религиозного чувства справедливости, живущего в сердце народа. Это было то самое чувство, которое в Англии назвали бы «благородным спортивным инстинктом», не позволяющим большому и сильному человеку бить того, кто меньше и слабее его.

Никакая сила не смогла бы удержать рыцарски великодушных русских от того, чтобы прийти на помощь Сербии, над которой нависла угроза. Все сознавали, что настал грез-

[17] Имеется в виду Император Александр II (1818–1881).

ный и судьбоносный день, и на протяжении всех мрачных дней осени 1915 года народ ни разу не дрогнул перед взятой на себя задачей. Он дал обет спасти Сербию.

Русские люди верили, верят и всегда будут верить в святость клятвы, данной перед лицом Божиим. Поистине, есть слова, которые не являются пустым звуком! К числу таких священных обетов, разумеется, принадлежит и присяга на верность.

Веками между всеми русскими подданными царили доверие и согласие. Теперь же нечестивый Кайзер пытался разрушить всякую нравственную и религиозную связь. Можно ли представить себе что-либо более жестокое и пагубное?

Всюду царило одно и то же настроение. Когда я навещала раненых в своем тамбовском имении, наши бедные солдатики на мои расспросы об их нуждах и желаниях отвечали совсем просто, нимало не сознавая всего благородства своих чувств:

— Кабы только Господь дал нам силушки поправиться да пойти проучить окаянного врага! Вы и не знаете, сколько зла они причинили нашим нивам, нашим храмам и нашим братьям.

Тон этих и подобных им слов поражал до глубины души. Один из раненых был магометанином. Не знаю, мудро это или нет, но к мусульманам в России относятся совершенно так же, как и к прочим русским подданным, и они знают, что на службе России могут достичь самых высоких военных чи-

нов — как достиг их, например, генерал Алиханов[18] и другие лица того же вероисповедания.

Россия в целом безгранично верит в победу. Новогоднее обращение Российского Императора[19] разнеслось далеко вокруг, подобно призывному звуку боевой трубы, по рядам Императорской армии и флота. Все сомнения исчезли безвозвратно, ибо слово Государя прозвучало тверже, определеннее и решительнее всех прежних. Вот слова, которые должны прозвучать похоронным звоном в ушах истощенной Германии, содрогающейся под бременем своих последних усилий.

«Половинчатая победа, неоконченная война» — вот тот отвратительный призрак, перед которым сжимались сердца наших храбрых воинов и который, словно неотступный кошмар, тревожил покой даже самых неграмотных наших крестьян. И ныне по всей необъятной стране русские сердца с трепетом откликаются на призыв своего возлюбленного Государя:

«Памятуйте, что без полной победы наша дорогая Рос-

---

[18] Алиханов-Аварский, Максуд (1846–1907) — российский генерал-лейтенант, выдающийся военачальник, участник походов в Среднюю Азию (взятие Мерва) и русско-японской войны, по вероисповеданию мусульманин-суннит.

[19] Цитируется Высочайший приказ Армии и Флоту от 25 декабря 1915 года (7 января 1916 года) (в британской прессе опубликованный к Новому году), в котором Николай II твердо заявил, что без окончательной победы мир заключен быть не может.

сия не может обеспечить себе и своему народу ту независимость, которая составляет ее гордость и неотъемлемое право, не может в полной мере воспользоваться плодами своих трудов и развивать свои природные богатства. Пусть же глубже проникнет в ваши сердца сознание, что не может быть мира без победы. Как бы ни были велики жертвы, от нас требуемые, мы должны непоколебимо идти вперед — вперед к торжеству за нашу Родину и наше правое дело».

Воздух дрожал от эха этих дивных слов — и осиротевшие матери, сестры, жены, плачущие в одиночестве и отчаянии своих разбитых сердец, вновь поднимают взор и улыбаются сквозь слезы, ибо русская кровь пролита не напрасно. Эта весть разнеслась на крыльях ветра и над бесчисленными далекими, безвестными могилами донесла свое послание нашим павшим героям: «Вы будете отомщены, доблестные витязи; ваши души отпразднуют миг торжества вместе с вашими живыми братьями!»

Отрадно также сознавать, что мы не одиноки в своей решимости, что наши Союзники с нами и разделяют наши взгляды.

В самом деле, если принять общую численность населения Германии примерно за семьдесят миллионов, то крайний предел численности ее армии ни при каких обстоятельствах не может превысить десяти миллионов человек — что уже составляет 14 процентов всего населения и является со-

вершенно беспрецедентной долей мужского населения страны. Подобные цифры поистине означают целый вооруженный народ — народ, который, однако же, взял на себя невыполнимую задачу мериться силами с тремя другими могучими народами, также вооруженными до зубов. В этой неравной борьбе Германия, несмотря на помощь Австрии, Болгарии и Турции, неизбежно должна в конце концов встретить свою погибель и истечь кровью.

Мы в России смотрим в будущее без страха. Мы стоим сплоченные, как один человек. Все политические распри и разногласия забыты; нет ни разделения на партии, ни обсуждения каких-либо государственных дел, кроме тех, что связаны с войной. «Война, война, война — до победы, до полного торжества. В этом наше будущее, и так тому и быть». Этими словами наш министр внутренних дел г-н Хвостов[20] заключил свою недавнюю речь перед представителями печати. Те же чувства находят отклик повсюду. Мы полны решимости, надежды и готовности к любой жертве, ибо, говоря словами нашей Императрицы Александры Федоровны из ее новогодней телеграммы статс-секретарю[21]:

---

[20] Хвостов, Алексей Николаевич (1872–1918) — камергер, управляющий Министерством внутренних дел Российской империи с сентября 1915 по март 1916 года.

[21] Ответная новогодняя телеграмма Императрицы Александры Федоровны (декабрь 1915 / январь 1916 г.) на имя статс-секретаря А. Н. Куломзина (председателя Государственного совета и Романовского комитета).

«Война, навязанная нам нашими врагами и достигшая небывалых в истории размеров, естественно, требует огромных жертв. Но я знаю, что русский народ не остановится перед этими жертвами и будет благородно бороться до того часа, когда благословение Божие дарует славным воинам, проливающим кровь за Отечество и Государя, мир, купленный ценою полной победы над врагом».

По этим словам англичане могут судить о духе своих русских друзей и об их вере в победу.

Разница между 1876 и 1914 годами заключается в нашем отношении к Великобритании. Если сорок лет назад мы подозревали и даже ненавидели ее, то ныне мы видим ее в истинном свете. Она делает сегодня для Бельгии то же, что мы некогда сделали для Болгарии, — и движимая тем же чувством правды и политической чести. Она могла бы остаться нейтральной, в безопасности за своими морскими рубежами, посвятив все силы захвату торговли воюющих сторон. Вместо этого она предпочла рискнуть всем, чтобы сдержать свое честное слово. Этот поступок необычайно сблизил Россию с Великобританией, и я надеюсь, что грядущие годы принесут Великобритании еще более глубокое понимание русского духа.

А теперь — несколько слов о себе самой. В 1873 году барон Бруннов, российский посол в Лондоне, в один и тот же вечер представил меня г-ну Гладстону и г-ну Дизраэли. Пер-

вому суждено было стать моим дорогим другом и оказать могучую поддержку моим усилиям по сближению России и Англии, тогда как второй несколько лет спустя пожаловал мне тот почетный титул, которым я всегда так гордилась. «Госпожа Новикова, — сказал он во время болгарских волнений, когда мы с г-ном Гладстоном делали всё возможное, чтобы свести на нет его протурецкую деятельность, — я называю госпожу Новикову депутатом от России в Англии».

Это замечание отнюдь не преследовало цели доставить мне удовольствие, хотя теперь, когда мои многолетние труды увенчались успехом, оно может показаться, по выражению г-на У. Т. Стеда, «лестным комплиментом».

В ту пору, однако, лорд Биконсфилд не питал ко мне столь теплых чувств, чтобы расточать изящные любезности, и он, вероятно, понимал: каким бы искусным мастером лести он ни был, никакие его слова не свернут меня с избранного мною пути борьбы против его политики.

«Послы представляют правительства, депутаты представляют народ», — писал г-н Стед по поводу слов Биконсфилда, и я всегда стремилась, пусть и недостойно, представлять Россию — самую миролюбивую страну в мире.

Именно ради того, чтобы моя родина могла пользоваться благами мира, я впервые взялась за свой добровольный труд — привести Великобританию и Россию к лучшему взаимопониманию, которое позволило бы им сообща трудиться ради единой цели — мира. Какая странная ирония судьбы в

том, что две страны в конечном счете сблизились не через мир, а через войну; но пути Провидения неисповедимы, и из этого великого зла, быть может, родится еще большее благо.

По Англо-русскому соглашению 1908 года[22]; обе державы стали добрыми друзьями, ныне же они — союзники. Британцы сражаются в России под началом русского Верховного командования, и ни для кого не секрет, что британские моряки плечом к плечу с русскими моряками бьются на Балтике[23]; а между теми, кто вместе проливал кровь за общее дело, дружба и взаимопонимание неизбежны.

Странно оглядываться сегодня на времена, вошедшие в историю как «эпоха джингоизма»[24], когда на улицах и в мюзик-холлах распевали куплеты, в которых британцы бахвалились друг перед другом (цитирую по памяти):

> Мы драться не хотим, но, черт
> возьми, когда придется,

---

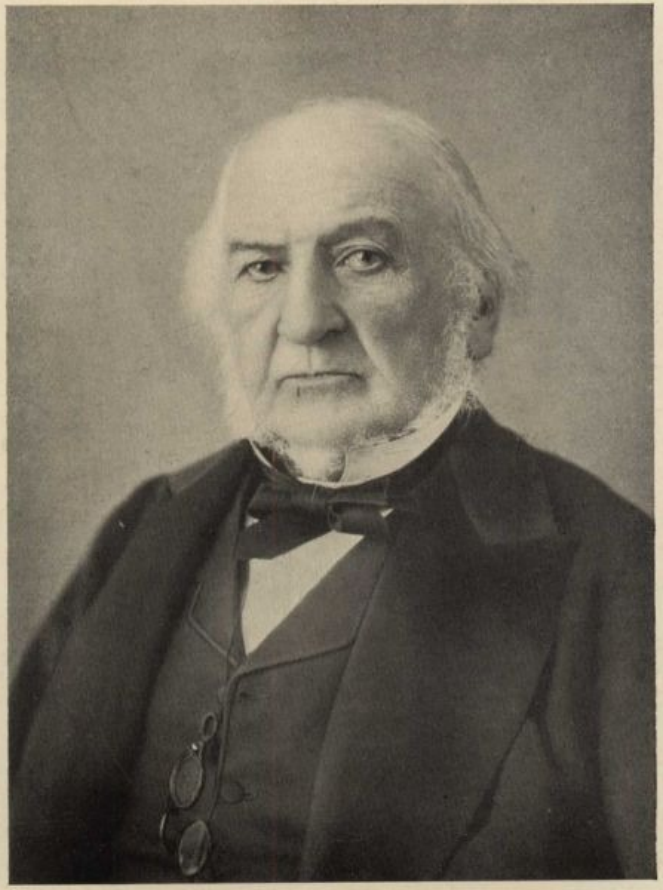
[22] Неточность автора: Англо-русская конвенция о разграничении сфер влияния в Азии была подписана в Петербурге 18 (31) августа 1907 года (в 1908 году состоялся знаменитый Ревельский визит короля Эдуарда VII к Николаю II).

[23] Имеются в виду британский дивизион броневиков (под командованием О. Локер-Лэмпсона), сражавшийся на русском фронте, и британская флотилия подводных лодок (под командованием М. Хортона и Ф. Кроми), действовавшая в Балтийском море в составе российского Балтийского флота.

[24] Джингоизм (от припева «By Jingo!» в воинственной песенке Г. У. Ханта и Г. Макдермотта 1878 года) — британский термин для обозначения крайнего шовинизма и воинствующего империализма, возникший в дни подхода русской армии к Константинополю в начале 1878 года.

У нас и флот, и люди есть, и
золото найдется!

И всё это было направлено против России лишь потому, что она решилась сделать то, что Великобритания — к вечной своей славе — делает сегодня: заступиться за попранный, но не сломленный народ.



W Gladstone
Apr 6. 1892

У. Ю. Гладстон (5 апреля 1892 г.)

Был один человек, который ясно видел суть вещей и бесстрашно восстал против криков толпы, — и человеком этим был г-н Гладстон. На протяжении двадцати лет он преданно трудился вместе со мной ради намеченной мною цели. Он ни разу не поколебался в своих обличениях невыразимого турка и всех его деяний. С 1876 по 1880 год кризис стоял необычайно остро, и война между Великобританией и Россией могла вспыхнуть в любую минуту.

Все это время г-н Гладстон делал всё, что было в его силах, чтобы противодействовать пагубной политике Дизраэли, и неизменно поддерживал со мной самую тесную связь и постоянную переписку. Его поддержка и непоколебимая защита того, что он считал правым делом, служили мне великим утешением. Я была женщиной в чужой стране, в одиночку боровшейся с предрассудками, которые видела повсюду вокруг себя.

В начале 1876 года поползли зловещие слухи о массовой резне болгар турками. 23 июня в газете *Daily News* появилось письмо ее константинопольского корреспондента (г-на, а ныне сэра Эдвина Пирса[25]), и внимание Палаты общин бы-

[25] Пирс, сэр Эдвин (Sir Edwin Pears, 1835–1919) — британский юрист, историк и журналист, многолетний корреспондент газеты Daily News в Константинополе, чьи репортажи о Батакской резне потрясли Европу в июне 1876 года.

ло обращено на содержавшиеся в нем ужасающие сведения. Г-н Дизраэли, бывший тогда премьер-министром, отнесся ко всему этому делу с легкомысленным равнодушием, однако депутаты обеих палат и партий были скорее раздражены, нежели успокоены его тоном.

С осторожностью, делавшей ему величайшую честь — ибо из наших бесед я знала, как глубоко он переживал происходящее, — г-н Гладстон дождался отчета британского комиссара г-на Уолтера Баринга[26], который во всех отвратительных подробностях подтвердил слухи об истреблении безоружных болгар — мужчин, женщин и детей. Убедившись, что доказательства неопровержимы, г-н Гладстон ринулся в бой: сперва опубликовав свою брошюру «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» (*The Bulgarian Horrors and the Question of the East*), а затем настойчиво призывая к соглашению с Россией, которое сделало бы подобное массовое истребление христианского народа невозможным впредь.

В России же в умах людей была лишь одна мысль — война, предотвратить которую не смогла бы никакая человеческая сила. Народ требовал, чтобы ему позволили встать плечом к плечу со своими единоверцами и сражаться за их свободу.

Что касается меня, то для меня настали горячие дни. Во-

---

[26] Баринг, Уолтер (Walter Baring, 1844–1915) — второй секретарь британского посольства в Константинополе, направленный в июле 1876 года в Болгарию для официального расследования действий османских войск и башибузуков.

круг себя я видела лишь подозрительность к России, а быть может, и ко мне самой; но передо мной стоял благородный пример — если таковой вообще был мне нужен, — поданный г-ном Гладстоном. Наша борьба была борьбой за христианство и цивилизацию. Каждый час моего дня, а порой и глубокой ночи был занят работой. Я бесстрашно бросалась в печать — как делала это все последние сорок лет, когда чувствовала, что мое перо может послужить заветной цели. В те времена издатели и редакторы были куда менее гостеприимны ко мне, чем стали впоследствии. Дело мое было непопулярным; я писала как русская патриотка, а это означало, что порою я невольно задевала чувствительное британское самолюбие. «Но что за беда? — с иезуитским удовлетворением спрашивала я себя. — Цель благая, а важна именно цель». Думаю, сегодня среди моих друзей в Англии найдется очень мало тех, кто не повторит этих моих слов.

День, в который я пишу эти строки, — «День русского флага»[27], второй с начала войны. На улицах английские и русские девушки и женщины продают маленькие флажки по самой баснословной цене, какую только могут выманить у покупателей, — «в помощь России».

Когда я оглядываюсь на те мрачные дни, когда г-н Гладстон приходил навестить «русского агента», «депутата от

---

[27] «День русского флага» (Russian Flag Day) — массовая благотворительная акция в Великобритании (проводилась, в частности, 18 мая 1916 года) по сбору средств для Российского общества Красного Креста и помощи русским раненым.

России в Англии», и с тревогой беседовал о ближайшем будущем, гадая, минует ли гроза или разразится, — сердце мое наполняется благодарностью и горячей признательностью к народу, который так часто оказывал мне гостеприимство и со временем начал прислушиваться к моим словам. Впрочем, уклониться от потока слов, который я на них обрушивала, им, должно быть, было нелегко: откровенно признаюсь, я не упускала ни единого случая «ринуться в печать».

Глава II. Пробуждение России

Новая эра. — Мой брат Николай. — Хаджи-Гирей: герой. — Страшное известие. — Героическая атака. — Гибель моего брата. — Знаменитая речь Аксакова. — Россия в огне. — Жертва народа. — Мои полные горя письма. — Отклик г-на Гладстона. — Взаимная подозрительность. — Мои поездки в Англию.

Писать в милой моему сердцу Англии о России и русских, о наших установлениях и обычаях, не скрывая даже наших недостатков, когда они требуют объяснения, — сегодня не только легко, но и необычайно отрадно. Но увы! Тридцать или сорок лет назад дело обстояло совсем иначе.

Не знаю, будет ли интересно английским читателям проследить за жизнью русской женщины, которая, подобно мне, испытала на себе воздействие столь различных течений.

Следует помнить: если в настоящую минуту всё английское в России не просто ценится, но вызывает восторженное восхищение, то во времена, когда я только начинала писать в Англии статьи в защиту России, положение вещей было совершенно противоположным.

Да, поистине: в 1876, 1877 и 1878 годах чувства русских людей были проникнуты глубокой горечью по отношению к английской политике Дизраэли, столь враждебной России.

Отыщите и изучите русские газеты тех лет. Они покажут вам, сколь глубоко вся русская печать — да и вся страна в целом — была убеждена, что Турция никогда не отказалась бы провести реформы, которых требовала Россия в пользу истязаемых славян, если бы не жестокая поддержка и советы со стороны Англии.

Вся Россия в ту пору кипела от негодования и обиды.

В 1876 году во всех наших газетах и на устах у каждого на разные лады повторялась одна и та же мысль:

«Англия — главная виновница всех наших жертв и утрат. Послушная раба Англии — Турция — отвергает все наши самые законные требования в защиту наших единоверцев и единоплеменников. Наглое упорство Турции — дело рук Англии. К тому же и само русское правительство медлит с предъявлением ультиматума султану, будучи не готово к войне».

И это действительно было так. Россия тогда была столь же миролюбива и не готова к войне, как и в начале нынешнего исполинского Армагеддона. Россия воображала, будто все вокруг понимают, что она не жаждет новых территориальных приобретений и совершенно не готова к войне, — что было сущей правдой; более того, казалось, она никогда и не заботилась о том, чтобы быть к ней готовой. Она жила в призрачном раю, настаивая на всеобщем мире — как на

Гаагской конференции[28], — словно весь земной шар состоял из «друзей» (более известных под именем «квакеров»).

Нынешняя дьявольская война преподала нам немало благих уроков, включая и необходимость быть предусмотрительными в будущем. Она также научит нас развивать наши собственные неисчерпаемые богатства, не полагаясь на иностранную помощь, за которую всегда приходится платить не просто обычную, но поистине чудовищную цену — вроде тех цен, что стоят ныне в Петрограде и Москве.

Но как ни враждебна была Россия в 1876 году ко всякой войне вообще, едва начались волнения на Балканах, толпы небогатых русских людей, предпочитавших смерть миру любой ценой, устремились в тот край, скрывая даже от родных и близких свою решимость поддержать славян, несмотря на полную неподготовленность последних. Со стороны наших добровольцев то было, быть может, чистым безумием — но безумием возвышенным и героическим, которым мы ныне гордимся. В то время, однако, я — во всяком случае, наперекор всему — испытывала лишь горечь негодования и отчаяния от действий нашего правительства и от политики Англии.

Мой брат Николай, как член Славянского благотворитель-

---

[28] Гаагская мирная конференция (первая) была созвана в 1899 году именно по инициативе российского Императора Николая II с целью ограничения вооружений и мирного разрешения международных споров.

ного общества[29], отправился в Белград, Софию и Цетинье. Но отправился он вооруженный лишь деньгами, собранными на санитарные нужды и устройство врачебных складов, где можно было бы получить медицинскую помощь. Восстание в Боснии и Герцеговине уже разрасталось, а никаких приготовлений сделано не было. Беспомощность несчастных балканских славян была просто ужасающей. Поскольку Николай уже распределил все вверенные ему средства и до последней копейки прислал отчеты в Славянское благотворительное общество, мы с братом Александром[30] со дня на день ожидали его возвращения в Россию.

Более того, у меня в кармане лежало письмо от Александра, в котором он хвалил превосходную деловую распорядительность Николая, когда во всех газетах мне вдруг попалась на глаза короткая, но страшная телеграмма: «Хаджи-Гирей убит под Заечаром» — это был Николай Киреев. Как мы выяснили позже, он вступил в ряды сербского войска под вымышленным именем.

Ужас мой при этом известии не поддавался описанию. Я

---

[29] Славянское благотворительное общество (Славянский комитет) — общественная организация, основанная в Москве в 1858 году славянофилами (при ведущем участии И. С. Аксакова) для помощи южным и западным славянам. В 1875–1877 годах комитет занимался сбором пожертвований и отправкой добровольцев на Балканы.

[30] Киреев, Александр Алексеевич (1833–1910) — старший брат О. А. Новиковой и Н. А. Киреева, генерал от кавалерии, адъютант великого князя Константина Николаевича, видный славянофил, богослов и публицист.

не могла в это поверить. Но вскоре вслед за тем пришла телеграмма от Александра, гласившая: «Государь прислал за мной и сообщил о гибели нашего брата. Его Величество разрешил мне немедленно выехать к тебе, и мы вместе отправимся к матушке в Италию. Она сейчас должна быть в Лукке и, вероятно, еще ничего не знает о нашем горе».

Надеюсь, читатель простит меня, если я приведу здесь рассказ Кинглейка о подвиге и жертве моего брата. В своем донкихотстве этот поступок был истинно русским:

«Молодой Николай Киреев принадлежал к старинному дворянскому роду и, будучи от природы человеком пылкого и восторженного нрава, да к тому же имея перед глазами романтический пример жизни собственного отца[31], свыкся с идеей самопожертвования. С началом восстания князя Милана[32] он отправился в Сербию с намерением действовать исключительно под знаменем Красного Креста и уже приступил было к своему человеколюбивому труду, когда генерал Черняев[33] призвал его принять командование тем, что мож-

---

[31] Отец Киреевых — Алексей Николаевич Киреев (1812–1849), московский дворянин, участник Кавказской войны, отличавшийся рыцарским характером и религиозностью; скончался от холеры, самоотверженно ухаживая за заболевшими крестьянами в своем имении.

[32] Милан Обренович (1854–1901) — князь Сербии (с 1868 г.), впоследствии король Сербии (1882–1889). Имеется в виду сербско-турецкая война, начавшаяся в июне 1876 года в поддержку восставших славян Боснии и Герцеговины.

[33] Черняев, Михаил Григорьевич (1828–1898) — русский генерал-лейтенант,

но назвать бригадой — отрядом пехоты численностью около пяти тысяч человек, состоявшим из добровольцев и ополченцев при поддержке, как кажется, пяти орудий; и вскоре ему пришлось не просто вести свою бригаду в бой, но и бросить ее на штурм укрепленной позиции при Раковице. Молодой Киреев прекрасно понимал, что вверенное ему иррегулярное войско далеко не из тех, какими в час битвы можно командовать, поглядывая в полевой бинокль и отдавая краткие распоряжения адъютанту; а потому он решил увлечь своих людей вперед простым и первобытным способом — лично шествуя впереди цепи. То был человек исполинского роста и необыкновенной красоты черт, и — то ли из-за летнего зноя, то ли повинуясь какому-то безумному, мученическому или удалому порыву — он, как делал это с самого начала, облачился во всё белое. Шагая впереди своих войск на турецкую батарею, он был ранен: сперва пуля пробила ему левую руку, затем вскоре другая угодила в шею, а вслед за ней третья раздробила правую кисть, заставив выронить саблю; но, несмотря на все эти раны, он продолжал неуклонно идти вперед, пока четвертая пуля не прострелила ему легкие и не повергла наконец наземь, — что, однако, не помешало ему, пусть и с огромным усилием, крикнуть: „Вперед! Вперед!“ Но пятая пуля, пущенная снизу, прошла сквозь серд-

---

герой среднеазиатских походов («Ташкентский лев»). В 1876 году вопреки воле официального Петербурга выехал в Сербию и возглавил главную (Тимокско-Моравскую) армию сербских войск и русских добровольцев.

це поверженного командира и угасила его доблестный дух. Бригада, которой он командовал, отступила, и тело его — о выдаче которого вскоре тщетно просил генерал Черняев — осталось в руках турок»[34].

[34] Примечание автора: The Invasion of the Crimea. Шестое издание. (Кинглейк посвятил гибели Н. А. Киреева яркий пассаж в предисловии к шестому изданию своего труда «Вторжение в Крым».)

Николай Киреев

Недавно я прочитала в газетах, будто один немецкий офицер с полутора сотнями солдат сдался в плен британцам, заявив, что живыми он и его люди, вероятно, принесут Германии больше пользы, нежели мертвыми. Когда я думаю о трагедии, окружившей гибель моего брата Николая Киреева, я вижу теперь, что своей смертью он сослужил России большую службу, чем если бы остался жить ради нее.

Весть о его героической кончине пронеслась из конца в конец России, словно звук боевой трубы, призывающей к жизни целую армию. Не будь его гибели, мои собственные скромные усилия добиться лучшего взаимопонимания между двумя великими нациями, быть может, никогда не были бы и предприняты. Поистине, нет такого зла, из которого нельзя было бы сотворить благо.

Впечатление от гибели моего брата было мгновенным и подобным электрическому разряду. Он стал первым русским добровольцем, павшим за дело свободы — то самое дело, которого в Великобритании не могли или не желали понять. Офицеры и нижние чины русской армии наперебой рвались на фронт. Свободно отдав свою жизнь по велению совести, мой брат стал орудием, побудившим Россию совершить одно из прекраснейших деяний, какие когда-либо совершал народ.

Кинглейк писал об этом так:

«Быть может, само величие облика и стана молодого полковника и вид алой крови, так ярко проступившей на его белых одеждах, придали нечто необычайное и таинственное тому чувству, которое и без того должно было пробудить зрелище его личного героизма... но, как бы то ни было, в действительности рассказы об этом случае — рассказы, с каждым днем обраставшие всё более чудесными подробностями, — летели из города в город, из села в село с такой быстротой, что не прошло и семи дней, как тлевший огонь русского воодушевления взметнулся грозным пламенем. Под бесчисленными зелеными куполами больших соборов и малых церквей священники, истово возглашавшие панихиду по душе юного героя и превозносившие славу смерти за „единоверных“ братьев, вызывали воинственный отклик в сердцах людей, которые — прямо там, под сводами соборов и храмов — во весь голос восклицали, что и они пойдут туда, куда ушел молодой Киреев; и так много из них поспешило сдержать свое слово, что очень скоро поток добровольцев со всех концов России стремительно хлынул в Белград. Для поддержания однажды вспыхнувшего порыва нашлись и подходящие средства. Простая фотография, запечатлевшая благородные черты молодого Киреева, вскоре превратилась в большие портреты; а затем Вымысел, устремившись вперед по стезе Истины, но обгоняя ее со стремительностью наших

современных изобретений, в удивительно короткий срок сотворил одну из тех волнующих легенд, на рождение которых прежде уходили долгие годы, — легенду полувоинственную, полумистическую, которая возвысила своего и без того высокого ростом героя до исполинских размеров и изображала его громоздящим гекатомбы в могучем истреблении турок»[35].

Гибель Николая Киреева стала своего рода искрой, упавшей на пороховой погреб. Через месяц вся Россия поднялась на ноги.

«Известие о смерти Николая Киреева, — говорил Аксаков в одной из самых знаменитых своих речей[36], — разом побудило сотни людей идти в добровольцы — явление, повторявшееся всякий раз, когда приходили вести о гибели новых русских добровольцев. Смерть не страшила, но как бы притягивала их к себе. В начале движения добровольцами шли люди военные и преимущественно из дворян. Помню то чувство истинного умиления, какое я испытал, когда ко мне явился первый унтер-офицер с просьбой отправить его в Сербию, — до того ново было для меня существование подобного чувства в народной среде. Чувство это вскоре

[35] Примечание автора: The Invasion of the Crimea. Шестое издание.

[36] Цитируется знаменитая речь Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886), произнесенная в чрезвычайном собрании Московского Славянского комитета в октябре 1876 года.

еще более усилилось, когда с тою же просьбой ко мне пошли уже не только отставные солдаты, но и простые крестьяне. И с каким смирением настаивали они на своем прошении, точно милостыню выпрашивали! Со слезами, стоя на коленях, умоляли они меня отправить их на поле брани. Таковые просьбы крестьян большей частью удовлетворялись, и видели бы вы их радость при объявлении им благоприятного решения! Впрочем, сцены эти сделались наконец так часты, а дела умножились до такой степени, что не было уже никакой возможности ни наблюдать за проявлениями народного чувства, ни подробно расспрашивать добровольцев об их побуждениях. „Положил умереть за веру“, „Сердце горит“, „Хочу помочь братьям“, „Наших бьют“ — вот краткие ответы, которые давались с величайшей искренностью. Повторяю: со стороны добровольцев не было, да и не могло быть никаких корыстных расчетов. Я, по крайней мере, добросовестно предупреждал каждого о тяжелой участи, его ожидающей. Лишения, раны и смерть — вот всё, чего могли ждать для себя эти добровольцы, но они верно угадывали, что рано или поздно за их дело встанет регулярная русская армия».

Менее чем через месяц после гибели моего брата 75 офицеров Императорской гвардии в Петрограде вышли в отставку и поспешили в Сербию; 120 офицеров в Москве и на юге России последовали их примеру.

Беспристрастный британский посол лорд Огастес Лоф-

тус[37] доносил своему правительству, что, по частным сведениям, 20 000 казаков переодетыми направляются на Балканы. Он также переслал следующее характерное письмо:

«Даже женщины, старики и дети не говорят ни о чем другом, кроме славянской войны. Воинственный дух казаков воспламенился, и от мала до велика все ждут лишь дозволения вихрем обрушиться на турок. Во многих станицах казаки готовят оружие в полной уверенности, что через несколько дней выйдет приказ идти на врагов Святой Веры и наших братьев-славян. В то же время повсюду слышится ропот на дипломатию за ее медлительность в оказании помощи. Из многих казачьих станиц прибыли депутаты, чтобы заявить Атаману, что казаки не в силах более терпеть истребление христиан».

Лорд Огастес Лофтус с неохотой признавал, что «ни Император, ни князь Горчаков не в состоянии более противиться единодушному призыву нации вмешаться, дабы защитить и спасти своих единоверцев». В то время Россия прекрасно сознавала, что никто за пределами ее рубежей не желает разделить ее жертвы и труды и что большая часть Англии даже грозит ей войной — обстоятельство, к которому, разумеется, нельзя было относиться с безразличием.

---

[37] Лофтус, лорд Огастес (Lord Augustus Loftus, 1817–1904) — британский дипломат, посол Великобритании в Санкт-Петербурге в 1871–1879 годах.

Трагедия под Заечаром зажгла пламя, охватившее всю Россию из края в край. С беззаветной щедростью жертвовались огромные суммы денег. Иностранцы, ставшие свидетелями воодушевления этого движения, были поражены. Они не понимали романтического рыцарства русской натуры. Один лишь Иван Аксаков, председатель Славянского благотворительного общества в Москве, собрал более миллиона рублей, а общества Красного Креста возникали повсюду с изумительной быстротой. Я состояла в Московском комитете Красного Креста. Одной из наших обязанностей был сбор денег и материалов для лазаретов. Хотя с тех пор минуло уже сорок лет, я живо помню, как к нам со своими приношениями шли люди всех званий и состояний. Светские дамы отдавали свои драгоценности, бедняки несли медные гроши. Каждый давал что мог.

Я могла бы написать целые тома о том, что происходило в те славные и вместе с тем трагические дни. Всюду я встречала примеры глубокого религиозного подъема, который, казалось, одушевлял всю страну независимо от сословий; а между тем иностранная пресса видела в этом стихийном народном порыве лишь притворство, подстроенное в политических целях.

1876 и 1877 годы вписали величественную страницу в русскую историю — то были годы настоящего крестового похода посреди нашего прозаического, материалистического девятнадцатого века. Толпы русских людей, устремивших-

ся навстречу почти верной смерти ради героической защиты своих угнетенных и безоружных братьев-христиан на Востоке, колоссальные денежные суммы, пожертвованные со стихийной и безрассудной щедростью, изумляли всех иностранцев, кому довелось наблюдать чудесный энтузиазм этого движения.

Этот подъем в России стал первым прямым следствием гибели моего дорогого брата; но было и другое. Потрясение повергло меня в безутешное горе. Моему обезумевшему от боли рассудку казалось, что вся вина за эту трагедию лежит на Англии. Не поощряй она турок — не было бы войны, и мой брат был бы жив. Будь у власти г-н Гладстон — мой брат не был бы принесен в жертву. С какой горечью корила я мысленно Англию! Едва ко мне вернулись силы, под влиянием всего того, что я читала в нашей печати о противодействии Англии человеколюбивой политике России, а также движимая собственным страстным горем, я просто потеряла голову. Можно ли поверить, что я писала своим английским друзьям буквально следующее: «Это Англия убила моего брата. Это Англия мешает нашему правительству прийти на помощь нашим братьям на Балканах. Долг обязывал Россию сделать внушение султану — вплоть до угрозы войной — в ту самую минуту, когда начались его кровавые расправы. Повинуясь порыву сердца, русские добровольцы бросились на выручку, и моему бедному брату Николаю суждено было оказаться первым среди них. Он не пал бы первым героем во

главе безоружных сербских ополченцев, если бы те стояли в строю регулярной армии, хорошо вооруженной и готовой к бою».

Подобные письма можно писать только так, как было написано это, — в минуты подлинного отчаяния. Но я с благодарностью должна добавить, что мои английские корреспонденты поняли мое горе и что такие люди, как лорд Нейпир[38], Фруд, Кинглейк, Фримен[39], Чарльз Вильерс[40], сэр Уильям Харкорт[41] и другие — известные мне тогда скорее как умные и приятные собеседники, — все ответили мне с необычайной добротой и участием. Они заверяли меня, что политика Дизраэли в Турции ошибочна, что парламент намерен подвергнуть ее запросу, что газета *Daily News* и другие издания уже начали кампанию и т. д. и т. п. Да, я чувствовала их сердечную доброту, но единственным человеком, оставившим мое письмо без ответа, оказался г-н Гладстон, и это немало

---

[38] Нейпир, Фрэнсис, 10-й лорд Нейпир и 1-й барон Эттрик (1819–1898) — британский дипломат, посол в Санкт-Петербурге в 1861–1864 годах, сохранивший теплые дружеские отношения с семьей Новиковых и Киреевых.

[39] Фримен, Эдуард Огастес (Edward Augustus Freeman, 1823–1892) — выдающийся английский историк, профессор Оксфордского университета, убежденный противник протурецкой политики Дизраэли.

[40] Вильерс, Чарльз Пелэм (Charles Pelham Villiers, 1802–1898) — старейший депутат британского парламента от Либеральной партии, родной брат дипломата лорда Кларендона, завсегдатай лондонского салона О. А. Новиковой.

[41] Харкорт, сэр Уильям Вернон (Sir William Vernon Harcourt, 1827–1904) — видный деятель Либеральной партии Великобритании, впоследствии министр внутренних дел и канцлер казначейства в кабинетах У. Гладстона.

огорчило меня. По правде говоря, я ожидала, что он откликнется первым, ведь мы так хорошо понимали друг друга в вопросе о старокатолическом движении.

Однако две или три недели спустя я получила письмо от супруги Гладстона[42], в котором говорилось:

ДОРОГАЯ ГОСПОЖА НОВИКОВА,

Мой муж, заваленный в настоящую минуту неотложными делами, просит меня написать Вам и выразить наше искреннее сочувствие в Вашей великой утрате; поистине, мы сами знаем, каково это — потерять горячо любимого брата, и мы, как и Вы, умеем находить утешение в мысли о том, что прекрасная, бескорыстная жизнь увенчалась вечной радостью. Прежде чем это письмо дойдет до Вас, Вы уже прочтете в газетах ответ на Ваш вопрос о Болгарии в брошюре моего мужа. Англия наконец пробудилась от своей спячки; то, что там творилось, поистине ужасно. Еще раз заверяя Вас в нашем сердечном участии в Вашей скорби, остаюсь искренне Ваша,

КЭТРИН ГЛАДСТОН.

В первое мгновение я не поняла, что именно она имела в виду, но вскоре всё прояснилось с выходом в свет знаменитой брошюры о болгарских ужасах.

---

[42] Гладстон, Кэтрин (урожд. Глинн, 1812–1900) — супруга У. Ю. Гладстона, известная благотворительница.

MYSELF IN 1876

Я в 1876 году

Хотя все полученные мною письма были проникнуты глубоким участием, я видела, что сочувствие это относилось скорее ко мне лично, нежели к делу, которое я так близко принимала к сердцу; ибо как может человек сочувствовать тому, чего он не понимает?

Великобритания подозревала Россию так, словно это было самым естественным делом на свете, а Россия платила Великобритании взаимностью. Каждая сторона истолковывала поступки другой в самом наихудшем свете. Видя это, я решила сделать всё возможное в меру своих скромных и непритязательных сил, чтобы способствовать лучшему взаимопониманию между двумя народами. Я вспомнила басню о льве и мыши — и это положило начало моему сорокалетнему труду, на протяжении которого я ни разу не свернула с избранного пути.

В маленьком королевстве Сербии, неподалеку от места, где пал Николай Киреев, есть село, названное в его честь Киреевом. Мой брат Александр, присутствовавший на торжестве наречения этого села, был глубоко тронут горячностью чувств и благодарностью, проявленными к памяти русского героя. И всякое добро, какое мне удалось совершить, я неизменно почитаю своим приношением на могилу брата Николая.

Меня охватила неудержимая потребность разъяснить всем моим друзьям, на чем основывалось русское общественное мнение, обвинявшее Англию в наших неудачах на Балканах и в запоздалом объявлении войны нашим правительством. (Все телеграммы и письма, относящиеся к этим грозным годам, были мною бережно собраны и переданы в Румянцевский музей в Москве[43]. Иные документы и письма принадлежат истории и не должны исчезнуть вместе с нашей смертью.) Позвольте мне привести еще несколько подробностей о том, с чем мне — без всякой поддержки, без защиты, при всем сознании собственной неопытности — пришлось столкнуться по возвращении в Англию. Те мои поездки в Англию, к слову сказать, поначалу длились не более двух месяцев, поскольку семейные обязанности, естественно, всегда звали меня обратно в Россию. Я никогда не любила слишком много говорить о себе, но полагаю своим долгом чести объяснить всем тем, кто оказывал мне сочувственную поддержку, что единственной моей целью было в конечном счете сделать всё от меня зависящее и тем самым хоть в малой степени оправдать их участие и доверие.

План мой был очень прост: дать Англии узнать настоящих русских людей и русские взгляды, а России — узнать Англию

[43] Московский публичный и Румянцевский музеи — крупнейшее хранилище книг, рукописей и коллекций в Москве (располагалось в Доме Пашкова); ныне его фонды входят в состав Российской государственной библиотеки (РГБ), где в Отделе рукописей по сей день хранится обширный архив Киреевых и О. А. Новиковой.

и взгляды англичан.

Глава III. Г-н Гладстон и я боремся за мир

Подлинная Англия. — Собрание в Сент-Джеймсском зале. — Небывалый энтузиазм. — Речь г-на Гладстона. — Он провожает меня домой. — Отклики газет. — Лорд Солсбери и генерал Игнатьев. — Взаимное уважение. — Недовольство турок. — Смутившая меня похвала. — Конец Константинопольской конференции. — Г-н Гладстон скомпрометирован. — Война объявлена. — «Что предпримет Англия?» — Политика Бисмарка. — Мнение князя Горчакова.

Позиция Англии по отношению к России поначалу была откровенно враждебной, однако вскоре в общественных настроениях наступил перелом. Я всегда утверждала, что подлинную Англию представляет г-н Гладстон, а не г-н Дизраэли. Первые признаки этого перелома пришли с севера страны: в различных крупных городах прокатилась волна митингов протеста, итогом которых стал созыв Национальной конференции на внепартийных началах. Многие из самых выдающихся людей страны горячо поддержали эту идею, и на 27 ноября 1876 года[44] было назначено великое собрание в

[44] В тексте книги допущена опечатка в дате: знаменитая Национальная конференция по Восточному вопросу в лондонском Сент-Джеймсском зале (St. James's

старом Сент-Джеймсском зале.

Я присутствовала на протяжении всей конференции, на которую получила десять отдельных приглашений. Воодушевление во время всего заседания было колоссальным, но когда для речи поднялся г-н Гладстон, зал разразился такой овацией, что прошло несколько минут, прежде чем буря восторга утихла настолько, чтобы его можно было услышать. Я испытывала такое душевное волнение, какого не знала никогда прежде. Речь эта была великолепным ораторским подвигом, и мне нет нужды описывать ее здесь. Я никогда раньше не слышала публичных выступлений г-на Гладстона и была счастлива, что впервые услышала его именно по вопросу об угнетенных славянах.

Он говорил более полутора часов, а когда закончил, в зале вновь вспыхнула буря рукоплесканий. Было уже около восьми часов вечера, когда я поднялась, чтобы покинуть зал. Медленно спускаясь по лестнице, теснимая со всех сторон огромной толпой, хлынувшей к выходу, я вдруг услышала, как кто-то окликнул меня по имени, и узнала голос г-на Гладстона. Выходя из зала, он заметил меня и, предложив мне руку, вывел на улицу. Несмотря на то что он только что произнес долгую речь и спешил на званый обед, он настоял на том, чтобы проводить меня пешком до отеля «Кларидж»[45], где я остановилась, всю дорогу увлеченно и

Hall) состоялась не 27 ноября, а 8 декабря 1876 года.

[45] «Кларидж» (Claridge's) — знаменитый фешенебельный отель в лондонском

оживленно беседуя со мной.

Оставив меня у дверей отеля, где я горячо благодарила его за всё, что он сделал для России, нанеся сокрушительный удар по престижу Турции в Англии, он быстрым шагом направился на обед с дипломатическим корпусом.

Прибыв на место, он обнаружил, что опоздал на целый час, а половина аккредитованных при Сент-Джеймсском дворе послов голодны и полны дипломатического нетерпения. Он принес свои извинения — в том числе и за то, что не успел переодеться к обеду, — добавив: «Я только что провожал госпожу Новикову до ее отеля, отчего и припозднился».

Дипломаты сочли подобное объяснение скорее новым оскорблением в придачу к опозданию. В их глазах со стороны британского политика было верхом неосмотрительности провожать до отеля «агента» иностранной державы, отношения с которой в тот момент были весьма натянутыми. Джингоистские и протурецкие газеты немедленно ухватились за этот случай как за превосходный повод скомпрометировать г-на Гладстона в глазах соотечественников. Так простой жест вежливости английского джентльмена, который к тому же оказался политиком, был раздут чуть ли не до масштабов международного инцидента.

Однако г-н Гладстон не ведал страха. Он никогда не предпринимал ничего, в чьей правоте не был бы глубоко убеж-

---

районе Мейфэр (на Брук-стрит), где на протяжении многих лет традиционно останавливалась О. А. Новикова и где располагался ее политический салон.

ден, а приняв решение, смотрел в лицо всему миру с тем львиным мужеством, которое, казалось, говорило: «Ну же, нападайте — если осмелитесь!»

Об этом памятном дне я писала вскоре после кончины г-на Гладстона, и хотя сказанное мною отчасти уже публиковалось, эти строки столь ярко рисуют бесстрашие Гладстона, что я позволю себе привести их здесь:

«Не раз случалось так, что он посвящал меня в свои замыслы, смелость которых одновременно восхищала и пугала меня. Но колебаний перед твердо намеченной целью он не знал никогда. Поистине, „Бога единого он боялся, иного же страха не ведал!“ Так, после знаменитой конференции в Сент-Джеймсском зале, устроенной под его руководством в защиту православных славян в Турции, я заметила ему, что, выступая подобным образом против политики Дизраэли и Королевы, он, по сути, совершает революцию. Он перебил меня: „Совершенно верно, это именно то самое слово. Но моей совести не в чем меня упрекнуть, ибо это прежде всего христианская революция. К тому же, — продолжал он медленнее, — я не одинок в этом деле. Четыре тысячи человек, присутствовавших в зале, были почти единодушны в своей поддержке и без колебаний выразили сочувствие благородной роли, которую играет Россия на Балканах. Заметили ли вы, — живо спросил он с легкой улыбкой, — что единственный оратор, которого освистала публика, заслужил

эту немилость лишь тем, что попытался доказать свое беспристрастие, заявив, будто он вовсе не является особым другом России? Самое забавное тут, — добавил он, — что бедный оратор отнюдь не русофоб. Я знаю его лично". Я не забуду этого случая, пока жива!»

Вслед за этим собранием состоялась Конференция великих держав в Константинополе[46]. Когда лорд Солсбери[47] отправлялся туда в качестве чрезвычайного уполномоченного Великобритании, сердце его было полно подозрений в отношении генерала Игнатьева[48], российского посла в Константинополе. Бедный Игнатьев служил постоянной мишенью для газетных проповедей о двуличии русских вообще и рос-

---

[46] Константинопольская конференция (декабрь 1876 — январь 1877 г.) — совещание послов шести великих держав (России, Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии), созванное для мирного урегулирования балканского кризиса и выработки проекта автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии. Закончилась провалом из-за отказа Турции принять требования держав.

[47] Солсбери, Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери (1830–1903) — британский государственный деятель, консерватор; в 1876 году — министр по делам Индии и специальный уполномоченный Великобритании на Константинопольской конференции; впоследствии министр иностранных дел и трижды премьер-министр Великобритании.

[48] Игнатьев, Николай Павлович (1832–1908) — граф (с 1877 г.), русский дипломат и государственный деятель, генерал от инфантерии. В 1864–1877 годах — посланник и посол России в Константинополе, пользовавшийся огромным влиянием при султанском дворе и прозванный в европейской прессе «вице-султаном».

сийского посла в Турции в частности. Лорду Солсбери внушали, что это сущий Макиавелли, за которым нужен глаз да глаз.

Однако лорд Солсбери был человеком, привыкшим судить обо всем самостоятельно, и, к великой досаде турок, очень скоро отбросил всякую подозрительность и вступил в самые сердечные личные отношения с тем самым человеком, чьи козни его послали расстроить.

Лорд Солсбери быстро обнаружил, что за прямотой Игнатьева, порой несколько обескураживавшей, скрывается человек чести и твердых убеждений. Британский уполномоченный был человеком справедливым и понял, что имеет дело с личностью слишком бесстрашной для дипломатической вкрадчивости.

Вскоре оба государственных мужа научились ценить достоинства друг друга. Игнатьев прямо сказал лорду Солсбери, чтобы тот не верил на слово ничему из сказанного им, пока сам предварительно не удостоверится в истинности его слов. В характере англичанина есть одна черта, воззвать к которой никогда не бывает напрасно, — это его приверженность правилам честной игры. Случайно или намеренно, но Игнатьев взял верную ноту, и с той поры они с лордом Солсбери рука об руку честно трудились ради сохранения мира.

Турки были крайне недовольны тем оборотом, который принимали дела, и лорд Солсбери стал в их среде чрезвычайно непопулярен. Сэр Эдвин Пирс в своей увлекатель-

ной книге «Сорок лет в Константинополе» (*Forty Years in Constantinople*) писал, что «лорда Солсбери, можно сказать, буквально освистали при отъезде из города».

Однако он не мог добиться успеха перед лицом враждебной политики Дизраэли, и сама отправка британского уполномоченного в Константинополь оказалась немногим более чем фарсом — своего рода подачкой британскому общественному мнению.

Покинув Константинополь, генерал (или, называя его полным титулом, граф Николай Павлович) Игнатьев стал впоследствии министром внутренних дел, а одно время состоял и председателем Славянского благотворительного общества[49].

В день памяти славянских просветителей святых Кирилла и Мефодия[50] это Общество обычно проводит свое годичное собрание, на которое съезжается от тысячи до двух тысяч членов. Однажды по такому случаю Игнатьевы пригласили меня к себе на обед, чтобы затем вместе отправиться на заседание. Графиня[51], к слову сказать, была столь же ревностной славянофилкой, как и ее супруг. В завершение собрания

---

[49] Граф Н. П. Игнатьев занимал пост министра внутренних дел в 1881–1882 годах, а с 1888 года до конца жизни возглавлял Петербургское Славянское благотворительное общество.

[50] День памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей Словенских, празднуется Православной церковью 11 (24) мая.

[51] Игнатьева, Екатерина Леонидовна (урожд. княжна Голицына, 1842–1917) — супруга графа Н. П. Игнатьева, правнучка фельдмаршала М. И. Кутузова.

граф произнес очень пылкую и красноречивую речь, которую мы обе внимательно слушали. И вдруг, к моему величайшему испугу и досаде, я услышала, как он громко возгласил: «А вот здесь присутствует русская дама, которая служит нашему патриотическому делу за границей!..» и т. д. и т. п.

Застигнутая врасплох этой неожиданной демонстрацией, я от всей души пожелала провалиться сквозь землю или оказаться где-нибудь у антиподов — и желание это еще более усилилось, когда почти вся публика окружила меня, принявшись горячо изъясняться в своей признательности. То была поистине ужасная минута, хотя всё это, разумеется, делалось от самого чистого сердца...

Но вернемся к 1876 году. Конференция в Константинополе распалась (я находилась тогда в России), и лорд Солсбери покинул турецкую столицу с полным сознанием собственной непопулярности. Он тщетно пытался внушить туркам, что в случае столкновения с Россией они останутся в одиночестве — по крайней мере, со стороны Великобритании. Но Абдул-Хамид[52] хорошо знал о британской подозрительности к России и строил свои расчеты именно на ней. Пробуждение наступило 24 апреля 1877 года, когда Россия объявила войну Турции, а Великобритания осталась нейтральной, заняв позицию настороженного наблюдателя.

Отношение публики ко мне лично в тот период было от-

[52] Абдул-Хамид II (1842–1918) — султан Османской империи в 1876–1909 годах.

кровенно враждебным. Прямая и открытая дружба, связывавшая г-на Гладстона с «пресловутым агентом российского посольства в Лондоне», не осталась без внимания, и определенные досужие кумушки от политики развили бурную деятельность. Утверждали, будто г-н Гладстон политически «скомпрометировал» себя тем, что пишет письма «агенту» иностранной державы в то самое время, когда Великобритания грозит этой державе войной. Сейчас всё это кажется верхом нелепости, но в те дни, когда общественные страсти кипели, относиться к подобным вещам легкомысленно было нельзя. Пресса прямо обвиняла нас в заговоре.

Мы в России постоянно спрашивали друг друга, какую позицию займет Англия. Накануне войны наши газеты приписывали Англии следующие планы: 1) занять Афины и Крит, всеми средствами помешав Греции восстать и прийти нам на помощь; 2) запретить русским судам проход через Гибралтар; 3) оккупировать Константинополь, если Турция потерпит слишком сокрушительное поражение. Признаюсь, я терялась в догадках, ибо все эти предположения были равносильны объявлению войны России. То были дни мучительной тревоги.

Известие об объявлении войны было получено в Петрограде 12 (24) апреля в два часа пополудни. В пять часов вечера в здании Городской думы собралась Московская дума. Царило необычайное воодушевление. Дума немедленно ассигновала миллион рублей и учредила 1000 коек для ране-

ных. Со всех сторон раздавались возгласы: «Мало! Слишком мало!» Тогда решено было считать эту сумму лишь скромным почином. Собралось и московское купечество, где повторилось то же самое: добровольное пожертвование еще одного миллиона рублей; 160 дам предложили свои услуги в качестве сестер милосердия, причем 100 из них уже выдержали соответствующие экзамены. Вся Россия словно возродилась духом. «Что предпримет Англия? — писала я в тот день г-ну Гладстону. — Я знаю, как поступила бы она, если бы во главе правительства стояли Вы. Но при нынешнем положении дел — что ж, мы исполним свой долг, и будь что будет».

Англия решила не предпринимать ничего — по крайней мере, на первых порах. Между тем по всей России прокатилась могучая волна народного чувства; однако в Англии люди, казалось, были просто не способны увидеть в этом что-либо, кроме политической интриги. Уезжая в Россию в конце 1876 года, я уже почти отчаялась в сохранении мира, но всё еще тешила себя надеждой, что мужественная позиция г-на Гладстона, быть может, предотвратит войну.

То были очень темные и безрадостные дни. Мы в России становились жертвами всевозможных слухов о намерениях Англии, тогда как в Англии, по-видимому, царило твердое убеждение, что любой шаг России неизбежно будет враждебным актом.

Мой брат Александр с гордостью писал обо мне, что я ве-

ду блестящую, хотя и безнадежную борьбу в интересах мира. Была ли она блестящей — не знаю, но отчаянно трудной она была несомненно. Попытка женщины удержать от столкновения два народа, которые, казалось, твердо задались целью не понимать друг друга, была безумием, на которое я, будь я более искушена в нравах политического света, возможно, никогда бы и не решилась. В моем неведении крылась моя сила: ибо я дерзала надеяться в такое время, когда надежда вовсе не «котировалась» на политической бирже.

Один из курьезных парадоксов той ситуации заключался в том, что хотя в Британии прекрасно понимали стремление Бисмарка[53] стравить Англию с Россией, все вокруг, казалось, делали всё возможное, чтобы помочь Железному канцлеру в осуществлении его замыслов.

Говорили, что сама королева Виктория отлично сознавала, как усердно Германия старается спровадить британскую армию на Восток, дабы развязать себе руки на Западе; а те самые газеты, что громче всех взывали к войне с Россией, откровенно признавали свою уверенность в том, что Германия вынашивает агрессивные виды на Бельгию.

Всё это приводило меня в крайнее недоумение. С чисто женским нетерпением мне порою хотелось буквально встряхнуть этих глупых мужчин, которые никак не желали понять, что служат слепым орудием в руках главного комби-

[53] Бисмарк, Отто фон (1815–1898) — князь, первый рейхсканцлер Германской империи (1871–1890), прозванный «Железным канцлером».

натора Европы.

Бисмарк вел свою игру так, как умел вести ее только Бисмарк. Как, должно быть, посмеивался он про себя! Никакие слова не в силах передать и малой доли того, что я выстрадала в те дни. Я потеряла сон, я не могла ни о чем думать. Голова моя шла кругом. Я вновь испытывала ту же душевную пытку, какая охватила меня при известии о гибели Николая.

В феврале я писала из Москвы в состоянии, близком к исступлению: «Я охотно отдала бы свою жизнь — поистине весьма скромный дар — ради сохранения мира».

Вскоре после конференции в Сент-Джеймсском зале, будучи проездом в Петрограде, я сочла своим непременным долгом повидаться с князем Горчаковым[54], чтобы по мере сил убедить его воздать должное лучшей части английского общества.

Я как можно живее описала ему великолепное собрание в Сент-Джеймсском зале и рассказала о сочувствии, проявленном подлинными представителями благомыслящих англичан. В тот же вечер, как я узнала впоследствии, он во всех подробностях пересказал нашу беседу Государю.

Помню, князь Горчаков заметил мне тогда, что британский народ бессилен и что Биконсфилд в любую минуту об-

---

[54] Горчаков, Александр Михайлович (1798–1883) — светлейший князь, выдающийся русский дипломат, министр иностранных дел (1856–1882) и последний государственный канцлер Российской империи (с 1867 г.).

ведет его вокруг пальца. Я могла лишь ответить, что надеюсь на обратное. Но я твердо стояла на том, что необходимо воздать по справедливости народу, личное знакомство с которым убедило меня в том, что он столь же благороден, великодушен и правдив, как и мы сами.

— Вы пристрастны, — сказал мне князь.

— Нет, — возразила я, — я справедлива.

Я чувствовала, что во всей России я была единственной, кто без устали указывал на разницу между этими двумя Англиями — Англией официальной и Англией народной. Из-за этого многие мои соотечественники и соотечественницы, желавшие разрыва с «коварным Альбионом», сердились на меня. Они полагали, что я показываю им лишь одну сторону медали и что в конечном счете вся страна пойдет на поводу у Дизраэли.

Глава IV. Г-н Гладстон

Его последнее слово. — Его бесстрашие. — Его мнение о книге «Россия и Англия». — Христианская революция. — Отзыв кардинала Маннинга. — Гладстон и старокатолики. — Вопрос о бессмертии души. — Замечательное письмо г-на Гладстона. — Восхитительный собеседник. — Его способность к сосредоточению. — Хейворд и Гладстон. — Их спор. — Мисс Элен Гладстон. — Мы говорим о Гладстоне. — Восторг пожилой дамы. — Я опаздываю на поезд.

Кто-то однажды сравнил жизнь с образованием, которое невозможно завершить, — и в самом деле: чем глубже изучаешь события и людей, тем яснее сознаешь, сколь многое навсегда останется за гранью нашего разумения. Тем не менее само соприкосновение с известными натурами, пусть мы и не всегда способны измерить их глубину, облагораживает и возвышает душу; и сколько бы времени ни прошло с тех пор, как они покинули нас ради лучшего мира, всегда отрадно задержаться мыслью на воспоминаниях о великих людях, которых нам посчастливилось встретить на своем пути. Надеюсь поэтому, что мне позволено будет добавить в этой книге несколько слов о моей дружбе с г-ном Гладстоном.

Мне рассказывали, что последним словом, слетевшим с уст великого государственного мужа за несколько мгновений

до кончины, было «Аминь». Какой достойный и характерный для него финал! Вся жизнь и деятельность этого великого старца[55] поистине более всего напоминает возвышенную молитву или исповедание веры. Всё его бытие покоилось на религиозных идеалах и убеждениях, которые он просто и естественно претворял в жизнь в каждом слове и поступке своих будней. Христианская любовь и милосердие пронизывали все его начинания так, как это редко встречается среди государственных людей, окруженных интригами, соперничеством и препятствиями. Он был великодушен — как может быть великодушен лишь столь великий и благородный характер — к многочисленным недругам, теснившим его со всех сторон и пользовавшимся поддержкой даже самой королевы Виктории, чьи симпатии всецело принадлежали противнику Гладстона — Биконсфилду.

Другой чертой характера г-на Гладстона, неизменно вызывавшей мое восхищение, была та твердая, решительная манера, с какой он сокрушал все преграды и, не глядя ни вправо, ни влево, шел прямиком к намеченной цели наперекор противодействию, вражде и даже опасности, коль скоро он решал, что эта цель праведна и указана ему совестью и убеждениями. В своих взглядах и верованиях он был совершенно бесстрашен — поистине, он ведал лишь один страх: страх

---

[55] В оригинале «this grand old man» — игра слов: аббревиатура G.O.M. (Grand Old Man, «Великий старец») была общепринятым в Великобритании почетным прозвищем У. Ю. Гладстона в последние десятилетия его жизни.

Божий. Мне думается, его мужество могло сравниться только с его добротой, и в этой связи мне хотелось бы упомянуть об одном случае, всплывающем в моей памяти, который теперь, по прошествии стольких лет, уже не может составлять тайны. Дело было в 1884 году[56], во время острого политического кризиса, когда отовсюду слышался один и тот же вопрос: «Вернется ли *он* к власти?» Все прекрасно понимали, кто подразумевался под словом «*он*». Как раз в ту пору я выпустила в свет свою книгу «Россия и Англия» (*Russia and England*), стоившую мне четырех лет трудов, усталости, а отчасти и сомнений. Г-н Гладстон приехал ко мне вместе с супругой, чтобы выразить свое сочувственное одобрение, что он и сделал в самых ободряющих выражениях.

— Я напишу рецензию на вашу книгу, — сказал он.

На это великодушное предложение я — к немалому удивлению и чуть ли не негодованию г-жи Гладстон — горячо возразила:

— Нет, нет! — воскликнула я. — Ни в коем случае! Только не в столь критическую минуту. Такой шаг может принести вам большой вред. К тому же в нынешнее неспокойное время англичане всё равно не станут читать мою книгу!

В ответ г-н Гладстон гневно ударил ладонью по столу:

---

[56] Память несколько подводит автора: книга О. А. Новиковой «Россия и Англия» (Russia and England from 1876 to 1880) вышла в свет в начале 1880 года (как раз накануне парламентских выборов, вернувших Гладстона к власти), и тогда же, в марте 1880 года, в журнале The Nineteenth Century появилась обширная сочувственная рецензия Гладстона на эту книгу.

— Я заставлю их прочесть ее! — произнес он решительным голосом. — Каждый англичанин должен не просто прочитать, но *изучить* ее!

И действительно, несмотря на все мои уговоры, рецензия появилась в журнале *The Nineteenth Century* и содержала вышеприведенное наставление соотечественникам г-на Гладстона.

Мог ли кто-нибудь проявить большую доброту или большее политическое мужество?

Как живо стоят в памяти события и подробности тех волнующих дней! Поистине, я никогда их не забуду!

Через несколько дней после того достопамятного собрания в Сент-Джеймсском зале в общественном мнении наступила сильная реакция. Значительная часть прессы принялась высмеивать г-на Гладстона, величая его «Гладстоновым» (англичане в ту пору, имея самые скудные представления о России, воображали, будто все русские фамилии оканчиваются на *-ов*!), и даже намекая, что он-де состоит на жалованье у русского правительства! Но хотя нельзя не признать, что бремя ответственности тяжело давило на него, ничто не могло поколебать отвагу и решимость этого неустрашимого английского славянофила идти по пути, который он считал единственно правым.

Впоследствии, находясь на вершине своего величия и будучи во второй раз избран премьер-министром[57], он записал

[57] Гладстон возглавил свой второй кабинет министров в апреле 1880 года.

в своем дневнике строки из Шекспира[58]:

О Кромвель, это бремя, тяжкий груз
Для человека, чающего неба!
(Oh, 'tis a burden, Cromwell, 'tis a burden!

И все же с каким благородством и непоколебимой стойкостью нес он это бремя через всю свою жизнь!

О г-не Гладстоне спорили, его ценили и чтили во всем мире как великого государственного деятеля. Для меня, однако, его высшее право на величие лежало даже за пределами его гения — в его редких и безупречных нравственных качествах. Кардинал Маннинг[59] заметил однажды, что г-н Гладстон куда более достоин носить священный сан, нежели он сам. «По правде говоря, — откровенно добавил кардинал, — он настолько же идеально создан для Церкви, насколько я для нее *не гожусь*!»

Уже в детские годы Гладстон, по-видимому, оказывал благотворное влияние на своих товарищей. Епископ Гамиль-

---

[58] Неточная цитата из исторической хроники У. Шекспира «Король Генрих VIII» (акт III, сцена 2; слова кардинала Уолси, обращенные к Томасу Кромвелю: «'Tis a burden, Cromwell, 'tis a burden / Too heavy for a man that hopes for heaven!»).

[59] Маннинг, Генри Эдвард (1808–1892) — английский религиозный деятель; в молодости англиканский священник и близкий друг Гладстона по Оксфорду, в 1851 году перешел в католичество, с 1865 года — католический архиепископ Вестминстерский, с 1875 года — кардинал.

тон[60], славившийся своими многочисленными добродетелями и почитавшийся среди современников едва ли не святым, признавался, что в Итоне маленький Вилли Гладстон уберег его от не одной мальчишеской выходки!

Много позже, в 1838 году, Гладстон написал свой знаменитый труд «Государство в его отношениях с Церковью» (*The State in its Relations to the Church*); в 1845 году он вышел из состава кабинета министров[61], чтобы не покривить душой против своих религиозных убеждений, а еще позднее, в 1857 году, со всей присущей ему энергией восстал против «Законопроекта о разводах» (*Divorce Bill*), исходя из глубокой веры в то, что союз, освященный Церковью, не может быть расторгнут человеческим законом.

Я не стану останавливаться на таком общеизвестном факте, как сенсация, произведенная брошюрой великого английского политика о Ватикане[62]. Скажу лишь, что взгляды, изложенные в этой брошюре, изумили широкую публику, но отнюдь не личных друзей г-на Гладстона. В тесном дру-

---

[60] Гамильтон, Уолтер Керр (1808–1869) — англиканский епископ Солсберийский, школьный товарищ Гладстона по Итонскому колледжу.

[61] В 1845 году Гладстон вышел в отставку с поста министра торговли в кабинете сэра Роберта Пиля из-за вопроса об увеличении правительственной субсидии католической семинарии в Мейнуте (Ирландия), что противоречило ранее опубликованным взглядам самого Гладстона в его книге 1838 года.

[62] Имеется в виду знаменитый памфлет Гладстона «Ватиканские декреты в их отношении к гражданской верности» (The Vatican Decrees in their Bearing on Civil Allegiance, 1874), направленный против принятого на Первом Ватиканском соборе (1870) догмата о непогрешимости Римского папы.

жеском кругу я постоянно слышала, как он повторял свою мысль о том, что «римо-католицизм есть систематическая тирания священника над мирянином, епископа над священником и папы над епископом».

Питая в душе, с одной стороны, почти ужас перед Римом, а с другой — глубокое религиозное вдохновение, г-н Гладстон вполне естественно проникся горячим сочувствием и восхищением к великому делу старокатоликов[63]. Впервые он соприкоснулся с этим движением через своего друга Дёллингера[64] и никогда не переставал выражать уверенность в его конечном торжестве. Всякий раз, когда он говорил о старокатоликах — а делал он это очень часто, — он неизменно отзывался о них с глубокой симпатией и одобрением как об истинных христианах, которые со столь пламенной верой и твердостью духа стремятся проповедовать учение первоначальной Христианской Церкви, очищенное от всех вкравшихся в него человеческих заблуждений, олицетворяемых властолюбивым и тиранническим папством Ватикана. Г-н Гладстон стал одним из первых подписчиков журнала

---

[63] Старокатолики — христианское движение в Германии, Швейцарии и Австрии, отделившееся от Римско-католической церкви после 1870 года в знак непризнания догмата о папской непогрешимости. Брат автора, генерал А. А. Киреев, и сама О. А. Новикова активно содействовали богословскому диалогу между старокатоликами и Русской Православной Церковью.

[64] Дёллингер, Иоганн Йозеф Игнац фон (1799–1890) — выдающийся немецкий церковный историк и богослов, профессор Мюнхенского университета, идейный вдохновитель старокатолического движения.

Revue internationale de Théologie, который всегда занимал почетное место в его библиотеке и в январе 1895 года опубликовал его пространное письмо ко мне о старокатоличестве и Дёллингере. Это письмо воспроизведено в моей брошюре «Христос или Моисей? Кто же?» (*Christ or Moses? Which?*). К Дёллингеру г-н Гладстон питал самое горячее восхищение и дружбу, считая его одним из наиболее выдающихся умов современной Христианской Церкви.

Следующее письмо г-на Гладстона, думается мне, представит немалый интерес для моих читателей:

ЗАМОК ХАУАРДЕН, ЧЕСТЕР,
6 октября 1894 г.
МОЯ ДОРОГАЯ ГОСПОЖА НОВИКОВА,

Я почти никогда не могу писать что-либо по чужому предложению; более того, передо мною лежат обширные и давно намеченные труды, требующие непрерывной работы, а потому я вынужден воздерживаться от выступлений отрывочных. Так что взяться за что-либо новое я не могу.

Мое участие к старокатоликам самое сердечное. Моя родная сестра скончалась в фактическом духовном единстве с ними после того, как более тридцати лет принадлежала к Римской церкви[65].

[65] Речь идет о младшей сестре Гладстона — Элен Джейн Гладстон (Helen Jane Gladstone, 1814–1880), которая в 1842 году приняла католичество, но после 1870 года отвергла ватиканский догмат о непогрешимости папы и сблизилась со старокатоликами. Проживала в Кёльне, где ее и навестила О. А. Новикова.

Помнится, я высказывал доктору Дёллингеру мысль о том, что их будущее, по всей вероятности, в значительной мере будет зависеть от того, сумеют ли они вступить в какие-либо прочные сношения с Восточной Церковью. И я от всей души надеюсь, что это дело продвинется вперед. Доктор Дёллингер согласился с этим мнением. Они могут принести огромную пользу и силой нравственного воздействия удержать Латинскую церковь от дальнейших крайностей. Всё это покажется Вам малоутешительным в отношении главной цели Вашего письма. Но мне есть что еще прибавить.

Меня уговорили написать предисловие к иллюстрированному изданию Библии, которое, вероятно, получит очень широкое распространение в Америке, но будет ограничено кругом говорящих по-английски. Мое предисловие будет касаться не самого этого издания, а авторитета и ценности Священного Писания. Полагаю, в нем не найдется ничего такого, против чего стали бы возражать Вы или старокатолики...

Остаюсь искренне Ваш,

У. Ю. ГЛАДСТОН.

Одно из самых интересных писем, когда-либо полученных мною от г-на Гладстона — письмо, в котором проявилась его необычайная доброта ко мне в минуту, когда я столкнулась с известными богословскими затруднениями,

— связано с целой историей.

Один весьма выдающийся ученый друг, обсуждая со мной несколько лет назад глубокий вопрос о бессмертии души согласно Ветхому Завету, решительно заявил:

— Ветхий Завет не знает бессмертия души! Это факт, который прекрасно известен почти каждому исследователю богословия и о котором в то же время никто за пределами этого круга, по-видимому, не имеет ни малейшего представления. О Ветхом и Новом Заветах принято говорить и думать как об одной книге — едином боговдохновенном труде, — вместо того чтобы видеть в них два свода, основанных на противоположных и непримиримых началах. Учение первого по преимуществу материалистично. Учение второго чисто идеалистично. Ветхий Завет изображает Бога как Иегову — совершенно иначе, нежели являет Его Иисус Христос. Бог в представлении иудеев открывал Себя в грозном законе возмездия (Lex Talionis), описанном в книге Исход (21:24–25): «Глаз за глаз, ожог за ожог, рану за рану». Тогда как Иисус Христос заповедал нам: «Благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас».

Эта беседа произвела на меня глубокое впечатление. Очевидно, что коль скоро мы отрицаем бессмертие, мы тем самым отвергаем и само существование души. Меня охватило горячее желание рассмотреть этот важнейший вопрос с различных точек зрения. Я стала убеждать своего друга обобщить все его доводы и обнародовать их перед всем миром.

После долгих колебаний он согласился сделать это при условии, что я возьму на себя ответственность за издание и рассылку его брошюры известным профессорам различных европейских университетов.

Сверх того, непременным условием (*conditio sine qua non*) было мое обещание не раскрывать его имени при его жизни. Из всех условий последнее было, разумеется, самым легким, но я добросовестно исполнила их все. Теперь же, когда его уже нет в живых, я вправе назвать его имя. То был граф Александр Кейзерлинг[66], которому Бисмарк предлагал пост министра народного просвещения в Пруссии, от какового предложения Кейзерлинг отказался.

Я издала на правах рукописи немецкую брошюру «Учение о бессмертии по Библии» (*Unsterblichkeitslehre nach der Bibel*) и разослала ее ста профессорам, в числе которых были Фрошаммер, Альбер Ревиль, Трейчке, Блюнчли, Алоиз Риль[67] и др., прося их высказать свое мнение. В подавляющем боль-

---

[66] Кейзерлинг, Александр Андреевич (Александр Фридрих Михаэль Лебрехт Николаус Артур), граф (1815–1891) — выдающийся российский естествоиспытатель, геолог и философ прибалтийско-немецкого происхождения, гофмейстер двора, попечитель Дерптского учебного округа. Со студенческих лет был ближайшим личным другом Отто фон Бисмарка.

[67] Перечислены крупнейшие европейские ученые и мыслители второй половины XIX века: немецкий философ Якоб Фрошаммер (1821–1893), французский протестантский богослов и историк религии Альбер Ревиль (1826–1906), немецкий историк Генрих фон Трейчке (1834–1896), швейцарский и немецкий правовед Иоганн Каспар Блюнчли (1808–1881) и австрийско-немецкий философ-неокантианец Алоиз Риль (1844–1924).

шинстве случаев они ответили, что изложенные факты им уже хорошо известны и, по сути, являются общепризнанными в науке. Один из этой ученой братии, римо-католический священник, нещадно выбранил меня за то, что я выношу подобный предмет на публичное обсуждение.

Но я перенесла это порицание с полным спокойствием духа. «В столкновении мнений рождается истина» (*Du choc des opinions jaillit la vérité*), и чем глубже мы изучаем и исследуем вопросы, определяющие нашу жизнь, тем лучше.

С тех пор мое желание добиться более глубокого исследования этого вопроса еще более укрепилось благодаря утверждению одного талантливого и откровенного еврейского писателя о том, что иудаизм — или, вернее, его учение — ширится в мире. В августовском номере журнала *Fortnightly Review* за 1884 год он пишет: «Это фактическое допущение, что пределы человеческого познания не могут простираться далее видимого мира, представляется мне центральной идеей иудаизма». И далее он утверждает: «Таким образом, обнаруживается, что иудаизм — *материалистическое учение* — вылился в иудаизм как материальную силу». Заканчивает же автор следующими словами: «История покажет, что... он незримо трудился над той дальнейшей иудаизацией человечества, которая составляет единственный идеал его исключительно практического учения». Заметьте, что всё вышеприведенное взято из панегирика иудейской доктрине!

Среди тех, кто написал мне, был и профессор Э. Мишо[68], один из виднейших представителей старокатолического движения и редактор журнала *Revue internationale de Théologie* (Берн, Швейцария), который высказался следующим образом: «Из привычки питать неприязнь к евреям люди порой доходят до принижения самого иудаизма и приписывают ему чуть ли не материалистические доктрины. Иудаизм, безусловно, не христианство; но он также и не материализм».

Несколько озадаченная этими неожиданными и, как мне кажется, преувеличенными протестами, я обратилась к г-ну Гладстону, чья благожелательность в подобных вопросах неизменно сопутствовала мне на протяжении долгих лет. Мое письмо, по-видимому, создало у него ошибочное впечатление, будто я сама на свой страх и риск собираюсь выступить на полемическом поприще. Отсюда его ответ, предостерегающий меня от предприятия, столь явно превышающего мои силы.

Его письмо чрезвычайно важно, и я рада возможности опубликовать столь веское суждение о самом серьезном из всех предметов, принадлежащее величайшему англичанину своего столетия. Вот оно:

ОТЕЛЬ «КАП-МАРТЕН», МЕНТОНА,

[68] Мишо, Эжен (Евгений) (Eugène Michaud, 1839–1917) — французский богослов, перешедший в старокатоличество, профессор и ректор Бернского университета, основатель и главный редактор журнала Revue internationale de Théologie, друг и постоянный корреспондент генерала А. А. Киреева.

13 февраля 1895 г.

МОЯ ДОРОГАЯ ГОСПОЖА НОВИКОВА,

Мне жаль, что у Вас нет лучшего советчика, но я постараюсь исполнить роль, которую Вы желаете мне поручить, со всей возможной справедливостью и прямотой.

Я не вижу, почему в Вас должны бросать словом «ересь». Ересь — дело весьма серьезное, и обвинение в ней не должно выдвигаться иначе как в тех случаях, когда не только сам предмет спора имеет первостепенную важность, но и когда по нему уже высказалась вся полнота авторитета Церкви или христианской общины. Я полагаю, однако, что вопрос о воззрениях древних евреев на загробную жизнь, как они открываются в Ветхом Завете, — это вопрос, вполне открытый для обсуждения.

В последнее время я и сам немало занимался исследованием вопроса о будущем состоянии души и имел случай более или менее подробно коснуться иудейских воззрений. Предмет этот в высшей степени интересен, но вместе с тем обширен и сложен, а потому я со всей возможной настоятельностью советовал бы Вам не публиковать ничего по этому поводу без предварительного изучения, хоть сколько-нибудь соразмерного важности темы. Как можете Вы безопасно вступать в эту область, не уделив должного внимания изысканиям и мнениям авторов, исследовавших этот вопрос прежде?

Мои собственные познания отнюдь не настолько глубо-

ки, чтобы давать мне право на высказывание уверенных и окончательных выводов. Но я думаю, что есть несколько положений, которые достаточно ясны и которые следует иметь в виду. Мы не можем не заметить той мудрой сдержанности, с какой Символы веры трактуют предмет загробного бытия. Полагаю, что уже после той эпохи, когда они были составлены, христианская мысль постепенно стала опираться на предпосылку, заимствованную из греческой философии, и в особенности у Платона, — а именно на идею о природном бессмертии человеческой души. И это воззрение (которое лично я не слишком склонен разделять) снабжает нас, так сказать, очками, сквозь которые мы смотрим назад, на древнееврейские представления, запечатленные в Ветхом Завете.

Другой взгляд на этот предмет состоит в том, что человек по природе своей был сотворен не бессмертным, но способным к стяжанию бессмертия (immortaliable)[69]. Не согреши он, он закономерно достиг бы бессмертия; но после того как он вкусил от древа познания, ему, как сообщает нам священный текст, было воспрепятствовано вкушать от древа жизни, и таким образом вопрос о его бессмертии отодвинулся в туманную и неясную даль.

Мне представляется разумным мнение, что человеку из-

---

[69] В святоотеческом православном и раннехристианском богословии (в частности, у св. Феофила Антиохийского) эта мысль выражается формулой: Адам был сотворен «не смертным и не бессмертным, но способным и к тому, и к другому».

начально было даровано некое первобытное откровение Божественного ведения, однако об этом откровении мы не знаем ничего сверх того краткого очерка — если можно его так назвать, — который содержится в Книге Бытия. Очерк этот, впрочем, показывает на примере Еноха, что один праведник был особым образом избавлен от смерти; а слова Спасителя нашего в Евангелии[70] дают нам понять, что в основе иудейских воззрений лежали, во всяком случае, проблески веры в будущую жизнь. Мы не должны, как мне кажется, забывать о том уважении, с каким наш Спаситель относится к этим воззрениям.

Не можем мы забывать и того, что Моисеев закон, пришедший как бы на смену древней патриархальной религии, будучи по существу своему национальным, имел также по преимуществу земной, временный характер, что весьма сильно способствовало оттеснению идеи загробной жизни в тень.

Тем не менее считается, кажется, общепризнанным, что хотя в одних местах Псалмопевец говорит о ней с отчаянием или сомнением, в других псалмах он подходит к этому предмету с живой и пламенной верой — как, например, там, где сказано: «А я в правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим»[71].

---

[70] Имеются в виду слова Иисуса Христа в споре с саддукеями о воскресении мертвых: «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22:31–32).

[71] Цитата из Псалтири (Пс. 16:15; в западной нумерации — Пс. 17:15).

Вы знаете, как горячо я в ряде случаев сочувствовал Вашим литературным трудам и восхищался ими. Я не отговариваю Вас от продолжения работы над темой, которая ныне Вас привлекла. Но я не думаю, что Вы уже достигли той ступени, на которой публикация сделала бы честь Вам самой или воздала должное Вашему предмету. И я уверен, что этот весьма несовершенный ответ послужит доказательством того, что я не отношусь к Вашему письму легкомысленно и не пытаюсь без нужды чинить препятствия на Вашем пути.

Мне будет интересно узнать, что Вы решите насчет написания этого труда — с дальнейшими ли штудиями или без оных.

У. Ю. ГЛАДСТОН.

P. S. Ваше письмо от 6-го числа дошло до меня вчера.

Письмо г-на Гладстона можно считать первым и самым интересным из тех авторитетных суждений, вызвать которые и составляло мою единственную цель.

Люди, встречавшие Гладстона у меня в доме, неизменно находили в нем не только превосходного и очаровательного слушателя, но и человека, всегда готового выслушать новую мысль и искренне радовавшегося оригинальным суждениям или идеям, которые казались достойными более близкого рассмотрения. Порой он бывал красноречив и словоохотлив, в другие же дни — совершенно напротив. Однажды днем,

например, он горячо обсуждал со мной какой-то интересный вопрос, как вдруг заметил у меня на столе каталог новейших трудов о Шекспире. Случилось так, что именно этого каталога он прежде не видел, а поскольку он был страстным поклонником Шекспира, заглавие тотчас привлекло его внимание. Он взял книгу в руки, подошел к лампе и принялся с интересом перелистывать страницы. Вскоре он опустился в кресло и, явно позабыв обо всем вокруг, с головой погрузился в изучение своего любимого литературного предмета.

В числе прочих моих гостей в тот день находился Хейворд[72] — известный критик, отчасти стихотворец и человек с претензией на великосветскость. Хейворд питал большую слабость к людям с громкими именами и прочным положением в обществе и, разумеется, всегда бывал более чем счастлив случаю побеседовать на виду у всех с великим премьер-министром Англии. Я прекрасно знала за ним эту слабость и внутренне немало потешалась, ибо, хотя я и сама принадлежала к тому кругу, перед которым заискивал Хейворд, я часто приглашала к себе в дом людей, чье *настоящее* было, быть может, весьма скромным, но чье *будущее* казалось мне многообещающим. Я со всей симпатией и уважением отношусь к семейным преданиям, аристократическим манерам и родовым связям — но я всегда чувствовала, что

[72] Хейворд, Абрахам (Abraham Hayward, 1801–1884) — известный английский эссеист, критик, переводчик «Фауста» Гёте, знаток кулинарии и знаменитый лондонский рассказчик светских анекдотов, близкий приятель Кинглейка и частый гость салона О. А. Новиковой.

если никогда не соприкасаться с людьми, обязанными всем самим себе, энергичными, настойчивыми, полными идей и идеалов, то недолго сделаться узким и ограниченным человеком. Это особенно бросалось мне в глаза во время моих поездок в Вену. Венская аристократия — несмотря на громкие голоса и дурную привычку кричать так, словно собеседник глух, — отличается изящными и пленительными манерами. Однако за пределами разговоров о балете и спорте, перемежаемых сплетнями об общих знакомых, настоящей беседы там практически не существует. Царит лишь непрерывное жужжание светской болтовни, утомительное до последней степени и — по крайней мере для меня — переносимое лишь в гомеопатических дозах!

Люди же, пробившие себе дорогу сами, как я убедилась на опыте, всегда могут сказать нечто куда более содержательное; их характеры часто заслуживают изучения, дают пищу для размышлений и, внося в общество свежую струю, приносят новые идеи, расширяющие наш кругозор. Таков всегда был мой взгляд, и я неуклонно следовала ему, часто вопреки протестам моих друзей, которые уговаривали меня быть более разборчивой в знакомствах и не понимали, что живые идеи лучше пустого великолепия.

Гладстон, Фруд, Кинглейк, Тиндаль[73] и многие другие, к

---

[73] Тиндаль, Джон (John Tyndall, 1820–1893) — выдающийся британский физик, член Лондонского королевского общества, блестящий популяризатор науки и близкий друг О. А. Новиковой.

счастью, разделяли мои своеобразные вкусы в этом вопросе, и, быть может, это было одной из причин, почему наше общение неизменно оставалось, как мне кажется, столь приятным для всех нас.

Но я слишком отвлеклась в сторону и должна вернуться к своему приему.

Хейворда, как я уже сказала, всегда необычайно манило присутствие Гладстона, и он прилагал все усилия, чтобы вовлечь его в разговор. Увы, ничто не могло оторвать того от книги (шекспировского каталога). На все замечания Хейворда он отвечал рассеянно и односложно и лишь спустя довольно долгое время поднял глаза и совершенно невпопад ответил на какой-то вопрос о текущих событиях:

— Странно, я никогда прежде не встречал этого каталога, — заметил Гладстон.

Хейворд возмутился:

— Да тут и смотреть не на что! — брюзгливо проворчал он. — Это всего лишь список перепечаток, да к тому же еще и неполный.

— Нет-нет! — горячо возразил Гладстон. — В том-то и вся его прелесть: здесь, кажется, решительно ничего не упущено.

— О нет, — сердито стоял на своем Хейворд, — здесь недостает очень многого. Я знаю всю шекспировскую литературу не хуже любого другого. Я могу показать вам это сию же минуту.

— О, покажите, непременно покажите! — с живейшим интересом воскликнул Гладстон.

Хейворд с несколько обиженным видом взял том в руки, и теперь настала его очередь углубиться в страницы, между тем как Гладстон молча ждал, а остальные мои гости взирали на меня чуть ли не с отчаянием! Закончился этот случай столь же неожиданно, как и начался. Едва не разругавшись с Хейвордом из-за каких-то изданных или неизданных трудов, Гладстон вдруг вспомнил, что обещал супруге вернуться домой к определенному часу, поспешно поднялся и откланялся. Меня вся эта сцена чрезвычайно позабавила — чего, однако, нельзя было сказать об остальных моих гостях.

— Едва ли вы назовете подобные манеры хорошими! — заметил мне кто-то из присутствовавших.

— Что ж, — ответила я, — я никогда не ищу недостатков в своих друзьях. К тому же разве не естественно для англичанина до самозабвения увлечься вашим великим английским гением Шекспиром, которого чтит весь мир?

Это был далеко не единственный случай, когда мне доводилось замечать в Гладстоне почти болезненную страсть к книгам. В России у нас был только один человек, который мог бы поспорить в этом отношении с великим английским премьером: то был глава нашего Святейшего Синода К. П. Победоносцев[74]. Бывало, я посылала обоим этим друзьям по-

[74] Победоносцев, Константин Петрович (1827–1907) — русский правовед, государственный деятель и мыслитель, в 1880–1905 годах — обер-прокурор Свя-

падавшиеся мне книжные новинки, но, признаюсь, мне редко выпадало удовольствие обнаружить, что мои подарки еще не были им знакомы.

Победоносцев, будучи, разумеется, беспрестанно занят и осаждаем посетителями и редко имея хоть минуту для себя самого, порою, получив заинтересовавшую его новую книгу, садился на поезд из Петрограда в Москву и обратно единственно ради того, чтобы насладиться несколькими часами уединения и возможностью без помех прочесть книгу во время этого импровизированного путешествия!

Еще один из моих друзей-книголюбов, оставивший столь теплый след в моей памяти, чье имя приходит мне на ум, пока я пишу эти строки, — это Тиндаль. Каким добрым и сердечным человеком он всегда был, каким отзывчивым и готовым творить добро и помогать ближним!

Как я уже упоминала, г-н Гладстон живо интересовался старокатоликами. Однажды, когда мы оба обедали у доктора Дёллингера, одного из вождей старокатолического движения, в Мюнхене, зашла речь о старокатоличестве, и г-н Гладстон вновь повторил, сколь глубоко занимает его это движение. Помню, с каким чувством он заговорил со мной после этого о своей сестре в связи со старокатолическим вопросом. Мне показалось совершенно естественным сказать ему, что, поскольку на обратном пути в Россию я буду проезжать че-

---

тейшего Правительствующего Синода, поддерживавший дружескую переписку с О. А. Новиковой.

рез Кёльн, я охотно навестила бы ее. При этом моем предложении лицо г-на Гладстона просияло.

Когда я нанесла визит мисс Элен Гладстон, оказалось, что она уже ждала моего приезда и много слышала не только обо мне, но и о старокатолическом вопросе.

— Да, — сказала она, — мой брат поистине незаурядный человек. Но если бы вы только знали, какой он чудак и оригинал! К примеру, однажды, когда он путешествовал за границей уже в ранге премьер-министра, его жене захотелось совершить прогулку с ним вдвоем, и они отправились в путь. Но какой, вы думаете, экипаж они наняли? Маленькую одноконную тележку — точь-в-точь как два бедняка, посланные по какому-то хозяйственному делу!

— А не думаете ли вы, — ответила я, — что для такого человека, как г-н Гладстон, чья голова полна стольких великих идей и блистательных замыслов, вполне естественно не обращать внимания на мелочи нашего условного света? Позвольте рассказать вам, что приключилось с нами однажды, когда мы с четой Гладстонов встретились в Мюнхене. Мы отправились в один музей, директор которого очень желал лично показать нам (*faire les honneurs*) несколько редчайших экспонатов. Он продемонстрировал нам одно старинное блюдо, которым, по-видимому, особенно гордился. Ваш брат взял его в руки, самым внимательным образом осмотрел, а затем сказал: «А ведь знаете, профессор, эта вещь неподлинная. На подлинном блюде вот на этом месте непременно стояло

бы особое маленькое клеймо, которого здесь нет». Директор буквально побледнел — можете ли вы этому поверить?

Милая мисс Гладстон пришла в полный восторг от этого рассказа.

— О, как это на него похоже! — воскликнула она. — Он знает решительно всё на свете. Но вы обещали рассказать мне о нем что-нибудь еще, — настаивала она.

— Что ж, — сказала я, — мое второе воспоминание относится к нашей встрече в Париже. Когда я приехала туда, знаменитый политик и журналист Эмиль де Жирарден[75] пригласил меня на большой званый обед, который он давал у себя. За несколько дней до этого события я узнала о прибытии в Париж четы Гладстонов и упомянула об этом г-ну де Жирардену, заметив, как было бы чудесно, если бы он пригласил и их тоже. Мой старый француз пришел в неописуемый восторг. «О, умоляю вас, постарайтесь это устроить! — воскликнул он. — Я не знаком с ними лично, но всегда мечтал свести с ними знакомство. Я пришлю вам список всех моих гостей и надеюсь, вы постараетесь выяснить, с кем им хотелось бы встретиться, а кого они предпочли бы избежать». Задача эта была несложной, и я охотно исполнила поручение. Г-н Гладстон сказал: «Я бы очень хотел познакомиться с вашим братом, генералом Киреевым (который уже был в числе

---

[75] Жирарден, Эмиль де (Émile de Girardin, 1806–1881) — знаменитый французский журналист, издатель и политический деятель, основоположник массовой периодической печати во Франции (создатель газеты La Presse).

приглашенных), и с сотрудником *Revue des Deux Mondes* Шерером»[76] (Шерер был знаменитым сенатором, политиком и литературным критиком). Случилось так, что я знала некоторые его труды и сама была искренне рада предстоящей встрече. А вот с Гамбеттой[77], как откровенно признался г-н Гладстон, ему встречаться не хотелось бы. Это пожелание также было учтено. В конце обеда один из гостей обратился к г-ну Гладстону с длинной приветственной речью — разумеется, на французском языке. И представьте себе мое изумление, когда г-н Гладстон поднялся и ответил ему — тоже по-французски, к полному восторгу всего собрания! Никто и не подозревал, что он в таком совершенстве владеет французским языком. Что же касается моего брата, который вел к столу мисс Элен Гладстон[78], то оба они оказались страстными поклонниками Боттичелли и прекрасно сошлись на почве своего любимого предмета.

---

[76] Шерер, Эдмон (Edmond Scherer, 1815–1889) — французский богослов, литературный критик и политик, ведущий обозреватель газеты Le Temps и журнала Revue des Deux Mondes, пожизненный сенатор Третьей республики.

[77] Гамбетта, Леон Мишель (1838–1882) — выдающийся французский политический деятель, лидер левых республиканцев и антиклерикал (впоследствии премьер-министр Франции в 1881–1882 гг.). Причина, по которой Гладстон отказался встречаться с Гамбеттой в Париже, подробно объясняется автором ниже, в Главе XIII.

[78] На парижском обеде у Э. де Жирардена присутствовала не сестра Гладстона (жившая в Кёльне), а его младшая дочь и личный секретарь, носившая то же имя — Элен Гладстон (Helen Gladstone, 1849–1925), впоследствии вице-директор Ньюнэм-колледжа в Кембридже.

Добрая старая мисс Гладстон была очарована всеми этими подробностями о ее родных и так горячо упрашивала меня продлить визит, что в конце концов я просидела у нее до того, что опоздала на свой поезд!

Глава V. Воспоминания о светской жизни

Мои «четверги» в России. — Смерть Халиль-паши. — Лорд Нейпир и фрейлина. — Госпожа Волнис. — Уклад дома моих свекра и свекрови. — Исключительный тип. — Замешательство князя Владимира Долгорукова. — Великая княгиня Елена Павловна. — Блестящая женщина. — Удовольствие Императора. — Чета Кэмпбелл-Баннерман. — Августейший дипломат. — Марк Твен о курьерах. — На серьезный лад. — Верещагин. — «Отступление из Москвы». — Примечательное высказывание Кайзера.

Должна сказать, что мои приемные «четверги» в России складывались весьма удачно. Прежде всего, мой муж[79], хотя и не был особым любителем пения или игры на инструментах, никогда не возражал ни против того, ни против другого. Такие дипломаты, как лорд Нейпир, английский посол в Петрограде, и турок Халиль-паша[80], турецкий посол (но вос-

---

[79] Новиков, Иван Петрович (1824–1890) — супруг О. А. Новиковой (с 1860 г.), генерал-лейтенант, впоследствии попечитель Санкт-Петербургского и Киевского учебных округов.

[80] Халиль Шериф-паша (Khalil Sherif Pasha, 1831–1879) — османский дипломат и государственный деятель, посол Турции в Санкт-Петербурге (1868–1870), Вене и Париже, министр иностранных дел Османской империи; известный кол-

питанный во Франции и страстно преданный французскому театру), также имели обыкновение бывать у меня и сидели тише воды ниже травы, если в гостиной уже звучала музыка. У этого бедного Халиля был весьма драматический конец. Он вернулся в Константинополь, как он полагал, ненадолго, но занемог. Его европейские врачи настаивали на немедленном лечении в Карлсбаде, однако султан по какой-то неведомой мне причине воспротивился его отъезду из Турции. Бедняга умер при загадочных обстоятельствах, и столь же загадочно исчезло его колоссальное состояние.

На одном из моих небольших приемов произошла крайне неприятная словесная дуэль между лордом Нейпиром и одной фрейлиной двора Великой княгини Елены Павловны[81]. Она приходилась сестрой одному послу, с которым, впрочем, была не в самых нежных отношениях. Несомненно хорошенькая собой, она порой бывала резка до прямой невоспитанности. Увидев посла, мадемуазель де *** воскликнула: «Лорд Нейпир, вчера вечером я была в Зимнем дворце

лекционер европейской живописи (в частности, заказчик картин Г. Курбе и покровитель искусств).

[81] Елена Павловна (урожд. принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская, 1806–1873) — великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича (младшего брата Николая I). Хозяйка знаменитого интеллектуального салона в Михайловском дворце, убежденная сторонница освобождения крестьян и покровительница Русского музыкального общества. Мать О. А. Новиковой, Александра Петровна Киреева, была близкой подругой великой княгини, а сама Ольга Алексеевна пользовалась ее неизменным расположением.

у старой графини Блудовой[82]. Мы говорили о вас и ужасно смеялись».

Я пришла в настоящий ужас от этой выходки, но Нейпир сохранил полное самообладание.

— Я знаю, — ответил он, — вас пригласили туда, чтобы показать моему новому секретарю, Митфорду[83].

Тут, к счастью, их диалог прервал Рубинштейн, заигравший сонату. Какая спасительная помеха!

Вскоре после этого вошла госпожа Волнис[84], знаменитая французская актриса, обещавшая прочесть нам несколько сцен из мольеровского «Тартюфа», что она и исполнила с полным совершенством.

Госпожа Волнис была замечательной женщиной, обладавшей не только выдающимся сценическим талантом, но и в высшей степени благородным характером. Она потеряла единственного ребенка, которого обожала. Это горе сблизи-

---

[82] Блудова, Антонина Дмитриевна, графиня (1813–1891) — камер-фрейлина, писательница и мемуаристка, дочь государственного деятеля графа Д. Н. Блудова, хозяйка известного петербургского славянофильского салона.

[83] Митфорд, Алджернон Бертрам (впоследствии 1-й барон Редесдейл, 1837–1916) — британский дипломат, писатель и востоковед; в 1863–1864 годах служил секретарем британского посольства в Санкт-Петербурге под началом лорда Нейпира.

[84] Волнис, Леонтина (Léontine Volnys, сценический псевдоним Леонтины Фэ / Léontine Fay, 1810–1876) — прославленная французская драматическая актриса; в 1860-х годах жила в Санкт-Петербурге, играла в Михайловском театре и состояла чтицей при дворе императрицы Марии Александровны (супруги Александра II).

ло ее с нашей Императрицей Марией Александровной (весьма разборчивой в выборе приближенных) — супругой нашего Царя-Освободителя, — которая довольно часто приглашала ее во дворец в качестве чтицы.

В том же году со мной произошло нечто совершенно неожиданное. Родители моего мужа[85] — люди уже весьма преклонных лет, никогда прежде не бывавшие за границей, — внезапно решили отправиться в Париж, а меня попросили присоединиться к ним чуть позже. Погостив у нас в Петрограде две или три недели, они тронулись в путь. Путешествовали они с совершенно исключительным комфортом. При них состояла дама-компаньонка, у свекрови была своя горничная, у свекра — камердинер, а довершал всё это русский повар, который, по твердому заявлению моей свекрови, стоял неизмеримо выше любого иностранца, не исключая даже французов. Всё, что ни объявляла свекровь, было непреложным законом для всей семьи: не только для ее покорного супруга и двух сыновей, но и для обеих невесток и вообще для всякого, кто переступал порог ее дома.

Помню, как однажды мой деверь[86], бывший уже тогда послом в Вене, и мой муж, состоявший в ту пору генерал-лей-

---

[85] Родители мужа автора — Петр Александрович Новиков (1797–1876) и Мария Владимировна Новикова (урожд. княжна Долгорукова, 1801–1892).

[86] Новиков, Евгений Петрович (1826–1903) — старший брат мужа О. А. Новиковой, русский дипломат, историк-славист и писатель, посол России в Афинах, Вене (1870–1879) и Константинополе (1879–1882), член Государственного совета.

тенантом при Великом князе Николае Николаевиче[87] (отце нынешнего Верховного главнокомандующего нашими войсками), сидели и беседовали вдвоем. В комнату вошла их матушка — и оба они тотчас встали и стояли навытяжку до тех пор, пока она не дозволила им снова сесть.

Моя свекровь представляла собой исключительный тип. Она была дочерью поэта князя Владимира Долгорукова[88] и безмерно гордилась своим происхождением; а ведь в России все князья Долгоруковы ведут свой род от Рюрика, пришедшего на Русь в девятом веке, и, имея единый корень, казалось бы, вполне равны между собой. Но моя свекровь держалась на сей счет иного мнения и однажды сурово отчитала московского генерал-губернатора[89], носившего ту же фамилию, за то, что он принадлежит к младшей ветви рода. Бедняга имел весьма смущенный вид.

Другое отрадное воспоминание связано с Великой княгиней Еленой Павловной. Обыкновенная женщина, утратившая молодость, красоту и веселость нрава и оставшая-

---

[87] Николай Николаевич Старший (1831–1891) — великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал; его сын — великий князь Николай Николаевич Младший (1856–1929), Верховный главнокомандующий русской армией в 1914–1915 годах.

[88] Дед мужа О. А. Новиковой по материнской линии — генерал-майор князь Владимир Сергеевич Долгоруков (1769–1841); однако в семейном предании Новиковых его смешивали с поэтом князем Иваном Михайловичем Долгоруковым (1764–1823).

[89] Долгоруков, Владимир Андреевич, князь (1810–1891) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, московский генерал-губернатор в 1865–1891 годах.

ся лишь при своей бессмертной душе, вполне естественно может ожидать, что так называемые «друзья» позабудут ее. Но русская Великая княгиня, занимающая исключительно высокое положение и располагающая дворцами и многочисленным двором, — особа привилегированная. Ей нет нужды «просить чести» видеть такого-то господина у себя за чаем, обедом или на вечернем приеме. Она просто диктует список, включая в него имена остроумцев, артистов или министров, чье присутствие ей угодно. Скороход развозит ее повеления — и гости съезжаются. *Voilà tout!* (Вот и всё!)

Дозволение присутствовать на богослужении в домовых церквах великокняжеских дворцов обычно испрашивается через фрейлину или гофмейстерину (*Grande Maîtresse*) — насколько я, по крайней мере, знаю по собственному опыту.

Дорогая Великая княгиня Елена Павловна до последнего дня своей жизни оставалась для меня неизменно блестящей и умной женщиной, и я была искренне к ней привязана.

Никогда не забуду, однако, какого труда мне стоило исполнить одно из ее поручений. Она давала бал в честь Их Величеств, на котором ровно в полночь должна была появиться заранее составленная кадриль в домино. Мне было поручено подобрать этих таинственных гостей-призраков. Но задача оказалась далеко не из легких. Ибо мне предстояло найти не просто остроумных, забавных и живых дам, но и таких, которые согласились бы лишить себя удовольствия блистать среди званых гостей ради того, чтобы проскользнуть по за-

лам под непроницаемыми масками, словно бесплотные видения.

У одной из намеченных мною кандидаток, как на грех, были очень некрасивые глаза навыкате, похожие на яйца; «ну да ладно, — подумала я, — на то ведь и маска, она скроет всякие изъяны». Тем не менее я сочла благоразумным предупредить ее:

— Помните, — сказала я, — приказано, чтобы инкогнито сохранялось *строжайшим* образом.

— О, в моем случае это совершенно невозможно! — гордо отвечала она. — Ведь мои яркие, почти восточные глаза известны всему свету, и любой тотчас меня узнает.

Так что мне пришлось отказаться от услуг обладательницы «восточных очей» и подыскать ей замену.

Государь уверял впоследствии свою августейшую тетушку, что вечер доставил ему огромное удовольствие.

Великая княгиня, равно как и другой ее племянник — Великий князь Константин Николаевич, — была всей душой предана реформам Императора, и в особенности его замыслу освобождения крестьян в России. Этот план по своим масштабам был, вне всякого сомнения, исполинским. Он не только даровал личную свободу сорока восьми миллионам крепостных, но и наделял половину из них собственной землей.

Реформа эта, к слову сказать, была проведена в жизнь всего за два года. Разве не чудесная быстрота?

Была в этой поистине благородной и величественной мере и еще одна сторона: мы, дворянство всей страны, потеряли вследствие этой реформы едва ли не половину всего нашего достояния. Факт, согласитесь, немаловажный, однако я никогда не слыхала ни негодования, ни протестов, ни ропота, вызванных этой переменой. Каждый сознавал ее насущную необходимость, и чувство справедливости взяло верх над всеми прочими соображениями.

Сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман[90] живо интересовался этим вопросом и засыпал меня множеством расспросов. Не имея возможности вполне удовлетворить его любознательность во время наших встреч в Карлсбаде, я пообещала выписать нужные сведения из России, что впоследствии и исполнила по приезде в Лондон.

Именно на вилле Великой княгини Елены Павловны в Карлсбаде, куда нас приглашали каждый вечер во время ее пребывания на водах, я впервые познакомилась с четой Кэмпбелл-Баннерман. То были необычайно интересные вечера, где встречались только люди, достойные знакомства.

Одной из пленительных черт этих собраний была их

---

[90] Кэмпбелл-Баннерман, сэр Генри (Sir Henry Campbell-Bannerman, 1836–1908) — британский государственный деятель, лидер Либеральной партии, премьер-министр Великобритании в 1905–1908 годах (именно при его кабинете была подписана Англо-русская конвенция 1907 года). Его супруга — Шарлотта, леди Кэмпбелл-Баннерман (урожд. Брюс, ум. в августе 1906 г. на курорте Мариенбад). Сам сэр Генри скончался три месяца спустя после описанного обеда у О. А. Новиковой — 22 апреля 1908 года.

непритязательность и простота. Многие из гостей были людьми нездоровыми — унылыми рабами всевозможных врачебных предписаний и диет. К счастью, я к их числу не принадлежала и могла в равной мере наслаждаться как духовной пищей, так и великолепными фруктами, на которые остальному обществу дозволялось лишь взирать издали. Мой друг граф Александр Кейзерлинг состоял при дворе Великой княгини Елены Павловны во время ее заграничной поездки того года, а уж он один способен был сделать увлекательным любое общество.

Перед отъездом из Карлсбада супруги Кэмпбелл-Баннерман взяли с меня твердое слово часто видеться с ними в Лондоне, и вскоре они стали для меня новым центром притяжения во время моих приездов в Англию.

В первые годы моих путешествий зимние визиты в Лондон были весьма непродолжительными — но милая Англия привязывает к себе сердце, и мало-помалу мое пребывание здесь растянулось с октября по май.

Редко кто оставил в моей душе столь дорогие воспоминания, как сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман и его супруга. Я гостила у них в их английском загородном поместье, но ни разу не выбралась к ним в Шотландию, так как всегда боялась слишком надолго оторваться от своей работы, требовавшей неослабного упорства и постоянных занятий.

Вопреки тому, что нередко со мной случалось, оба супруга нравились мне почти в равной степени, хотя в милой ле-

ди Кэмпбелл-Баннерман душевные достоинства преобладали над внешней привлекательностью. Она обладала превосходными качествами, которые высоко ценили ее муж и друзья. Так, например, она знала парламентские «Синие книги» едва ли не лучше самого супруга, и когда разговор заходил о каких-либо особых событиях с точными датами и подробностями, она своей памятью затмевала всех вокруг. Должна добавить, что и муж, и жена отличались редким радушием, и мне не просто позволяли, но настойчиво уговаривали приезжать к ним к завтраку всякий раз, как мне заблагорассудится. Я довольно часто пользовалась этим приглашением по воскресеньям, поскольку нередко нуждалась в совете сэра Генри по разным вопросам, и он никогда не отказывал мне в помощи. Не раз я говорила ему: «Видя вашу мудрость и осмотрительность во всем, что вы говорите и делаете, я глубоко уверена: настанет день, когда вы станете премьер-министром».

Хотя я не ясновидящая и не пророчица, предсказание мое все же сбылось. Сам он всегда (уж не из чистой ли скромности?) отрицал возможность подобного поворота судьбы. Но в конечном счете права оказалась я, а не он.

Общение с сэром Генри всегда доставляло мне особое удовольствие. Было истинной отрадой видеть человека, столь непоколебимо верного своим убеждениям, столь твердого с окружающими и столь доброго к тем, кто от него зависел.

Вопреки известному острому слову Сидни Смита о шотландцах[91], он, безусловно, умел ценить шутку. Однажды мы беседовали с ним о главе одного владетельного дома. Я рассказала, как меня вместе с несколькими дипломатами представляли упомянутому двору.

— Кажется, я не ошибаюсь, — с милостивой улыбкой обратилась Августейшая Хозяйка к одному из дипломатов, — вы ведь являетесь преемником вашего предшественника?

Тот отвесил глубочайший поклон и показался вполне польщенным этой плоской банальностью. Я была несколько озадачена и немало позабавлена, но когда прием окончился, одна из фрейлин заметила мне: «Правда же, Ее Высочество удивительно умна и милостива? Как прекрасно она ведет беседу!» Придворные подчас бывают весьма неприхотливы в своих восторгах. Я воздержалась от чрезмерных похвал!

Сэра Генри эта история чрезвычайно развеселила. В последний раз я виделась с сэром Генри и долго беседовала с ним, когда он обедал у меня по возвращении из Франции. Он приехал, чтобы встретиться с российским послом[92] 23 января [1908 года].

— Знаете ли, — сказала я ему, — меня уверяют, будто вы

---

[91] Имеется в виду крылатая шутка английского писателя и священника Сидни Смита (Sydney Smith, 1771–1845): «Чтобы вбить шотландцу в голову шутку, требуется хирургическая операция» («It requires a surgical operation to get a joke well into a Scotch understanding»).

[92] Российским послом в Лондоне в 1903–1916 годах был граф Александр Константинович Бенкендорф (1849–1916).

собираетесь перейти в Палату лордов. Признаться, меня это известие немало удивило.

Однако он лишь высмеял саму мысль о подобном шаге.

— Вы совершенно правы в своем скептицизме, — ответил он. — Я люблю свою работу и слагать ее с себя не намерен.

То был его последний выезд на званый обед. Он еще ненадолго появился в Палате общин, но очень скоро стало очевидно, что дни его сочтены. И все же он не оставлял надежды, что силы вернутся к нему. Его коллеги, и в особенности г-н Асквит[93], делали всё, что в человеческих силах, чтобы облегчить его бремя.

Врачи объявили, что вследствие слабости сердца началась водянка. Но мужество его не ослабевало, и вера не меркла. По моему впечатлению, кончина супруги, несомненно, ускорила его собственный уход. О его последних днях передавали удивительные рассказы. Люди, которым дозволено было дежурить у его постели, слышали, как умирающий время от времени заговаривал, точно в прежние годы, со спутницей всех своих жизненных радостей и печалей — со своей горячо любимой женой, словно она незримо стояла перед ним и он вот-вот должен был воссоединиться с нею в обителях иной жизни.

Нечто подобное пережил и Теннисон со своим сыном

[93] Асквит, Герберт Генри (1852–1928) — в кабинете Кэмпбелл-Баннермана занимал пост канцлера казначейства, а в апреле 1908 года сменил умирающего сэра Генри на посту премьер-министра Великобритании (оставался главой правительства до декабря 1916 года).

Лайонелом[94]. Если такие видения действительно даруются свыше, разве не служат они великим утешением и наградой за глубокую любовь?

В те годы у меня было много друзей, имевших очень мало общего между собой. Карлейль и Фруд порой заглядывали ко мне, но обычно в такие часы, когда надеялись застать меня одну. Мне Карлейль неизменно поворачивался лишь самой привлекательной, любящей и мягкой стороной своей натуры. То был милый старик, и для меня не было большего удовольствия, чем видеть напротив себя его суровое, точно высеченное из камня старческое лицо и слушать его густой шотландский выговор.

Когда обсуждался вопрос об издании моих статей отдельной книгой, он сказал: «Вы непременно должны напечатать все свои статьи».

— Но кто же напишет предисловие? — спросила я. — Не согласитесь ли вы?

Милый старец печально покачал головой и, взглянув на свою дрожащую руку, произнес:

— Мне уже не под силу, я слишком стар; но вот перед вами молодой человек, — и он указал взглядом на пришедшего с ним Фруда. — Он это сделает.

Фруд весьма галантно возразил, что мои статьи не нужда-

---

[94] Младший сын английского поэта Альфреда Теннисона — Лайонел Теннисон (1854–1886) — умер от тропической лихорадки в Красном море на борту парохода при возвращении из Индии.

ются ни в каком предисловии, но тем не менее любезно написал его, что, несомненно, побудило множество людей познакомиться с моими взглядами.

SEMINARY FOR 125 SCHOOL TEACHERS BUILT BY ALEXANDER NOVIKOFF AT NOVO-ALEXANDROFKA

Учительская семинария на 125 воспитанников, построенная Александром Новиковым в Ново-Александровке

У нас с Карлейлем было одно великое связующее звено: наше недоверие к Дизраэли и сочувствие угнетенным славянам. В 1878 году, когда джингоисты во весь голос вопили по поводу русской миссии в Афганистане, ускорившей нача-

ло англо-афганской войны[95], Карлейль отозвался о политике как о «больной теме в наши дни при этом нашем проклятом премьере», как он его окрестил.

Он всегда с великодушным снисхождением относился к скромным трудам «русской леди» (*Rooshian Leddy*), как он меня называл на шотландский манер. Он знал, что, каковы бы ни были мои литературные несовершенства, я искренна, а искренность была единственным золотым ключиком к сердцу дорогого старого Карлейля.

Когда смерть приблизилась к нему вплотную — почти на расстояние вытянутой руки, — он смотрел на нее не как на врага, но скорее как на доброго волшебника, который должен отворить перед ним двери в новый дивный мир. Можно почти сказать, что он сам вышел ей навстречу на полпути. Нас, его друзей, то и дело волновали ложные тревоги. Однажды, за два с половиной года до кончины, он торжественно предупредил близких о своем скором уходе.

Припоминаю и другой случай, когда мне сообщили, что конец уже совсем близок; а вскоре вслед за тем я услышала, что он с прежним увлечением совершает свои прогулки в омнибусе. В те дни никогда нельзя было сказать наверняка, умирает ли Карлейль или катается в омнибусе.

Когда два года спустя развязка стала медленно, но неот-

---

[95] Имеется в виду дипломатическая миссия генерала Н. Г. Столетова в Кабул к эмиру Шир-Али летом 1878 года, вызвавшая острую реакцию кабинета Дизраэли и послужившая поводом ко Второй англо-афганской войне (1878–1880).

вратимо приближаться, я воздерживалась от визитов к нему, полагая, что проявлю больше дружеской чуткости, если не стану докучать ему и отнимать его быстро тающие силы. Я была тронута до глубины души, когда он спросил у окружающих: «Отчего же госпожа Новикова не приходит проведать меня?»

Я тотчас поехала к нему и застала его очень слабым, но искренне обрадованным моему приходу. Он говорил медленно и вдумчиво, показывая, что телесное угасание нисколько не затронуло его могучего ума. Помню, он пожаловался мне, что Фруд хотел заставить его править корректуру на смертном одре, но он наотрез отказался!

Меня едва ли можно назвать излишне чувствительной особой — я обладаю, пожалуй, большим самообладанием, нежели большинство людей; но у постели этого дорогого старца я почувствовала, что не в силах совладать с собой.

Его последними словами, обращенными ко мне, были:

— Да-да, когда вы вернетесь сюда (из России), в живых вы меня уже не застанете.

Что же до других моих старых друзей — таких как Кинглейк, Фруд, Чарльз Вильерс и граф Бейст[96], которые были, по сути, моими ежедневными гостями, — то здесь мне достаточно лишь упомянуть их имена, поскольку я уже подробно

[96] Бейст, Фридрих Фердинанд фон, граф (Friedrich Ferdinand von Beust, 1809–1886) — саксонский и австро-венгерский государственный деятель, рейхсканцлер Австро-Венгрии (1867–1871), в 1871–1878 годах — посол Австро-Венгрии в Лондоне и постоянный посетитель салона О. А. Новиковой.

писала о них в других местах.

Среди множества замечательных личностей, которых мне доводилось встречать в разное время, в памяти всплывает образ Марка Твена[97]. Общество великого американского юмориста всегда было нарасхват — обстоятельство вполне естественное, ибо в отличие от многих знаменитых остроумцев, приберегающих весь свой блеск исключительно для кончика пера, Марк Твен был общителен, словоохотлив и, казалось, располагал неиссякаемым запасом восхитительных историй, которыми всегда готов был поделиться с друзьями. Однажды он зашел ко мне и, говоря о своем предстоящем отъезде в какое-то увеселительное путешествие с женой и двумя дочерьми, заметил с лукавым огоньком в глазах:

— Какое счастье, что при нас нет курьера[98], который перепутал бы наши билеты...

— Но почему курьеры непременно должны что-то напутать? — спросила я. — Разве у вас бывали трагические случаи такого рода?

— Лично у меня нет, — ответил он, — но жил-был один миллионер, который путешествовал со всем своим огром-

---

[97] Марк Твен (Mark Twain; наст. имя Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс, 1835–1910) неоднократно подолгу жил в Лондоне в 1870–1900-х годах и бывал в салоне О. А. Новиковой.

[98] Курьер (courier) — в практике европейских путешествий XIX века: наемный слуга-проводник, сопровождавший богатых путешественников для покупки билетов, заказа гостиниц, оплаты счетов и объяснения с местной прислугой на иностранных языках.

ным семейством — из тех семейств, какие описаны в Ветхом Завете. Держались они с необычайной важностью и, разумеется, прибыли на вокзал за одну минуту до отхода поезда, переложив все хлопоты на своего курьера. Последний, однако, был, по-видимому, занят какими-то собственными делами и тоже опоздал, примчавшись почти одновременно с господами.

«Как вы смеете опаздывать! — заорал разгневанный миллионер. — Давайте сюда билеты, живо!» Курьер в страшной спешке нервно порылся в ворохе бумаг у себя в бумажнике и сунул в руку хозяина пачку билетов. Паровоз уже разводил пары, и терять нельзя было ни секунды. Мой бедный приятель передал пачку кондуктору и взволнованно потребовал проводить их в специально заказанный вагон, но в ответ удостоился лишь недоуменного взгляда. Увы! Билеты эти оказались малопригодными для железной дороги, ибо то были... билеты на концерт! Курьер-то, видите ли, был певцом и слишком много думал о собственных гастролях!

Марк Твен часто потешал слушателей тем, что в самой комической манере рассказывал о своих собственных былых проделках и шутках.

— Некоторое время назад, — поведал он мне однажды, — все вокруг помешались на столоверчении! Я написал по этому поводу длинную статью, но, несмотря на все уговоры издателя, наотрез отказался подписать ее своим именем. Видите ли, — пояснил он, — мне хотелось, чтобы меня воспри-

няли всерьез; а раскрой я свое имя, каждый принял бы всё сказанное мною за очередную шутку!

Так что, вопреки Шекспиру, в имени все-таки что-то да значит!

Впрочем, мне доводилось видеть Марка Твена и предельно серьезным. Это касалось негритянского вопроса. То, что мне казалось лишь сильным предубеждением, в его глазах представляло собой настоящую угрозу для цивилизованного мира. Не так давно одна весьма образованная дама, только что прибывшая из Америки, с неподдельным ужасом рассказывала мне о дерзости и самомнении негров. Как непохожи были нарисованные ею картины на образы г-жи Бичер-Стоу в «Хижине дяди Тома»!

Другой крупной личностью был русский художник Верещагин[99], мой очень дорогой друг. В другой книге я уже назвала его графом Толстым от живописи. В нем жил тот же гений, то же бесстрашие, та же жажда правды — как он ее понимал — и, пожалуй, порой то же преувеличенное стремление к суровому реализму. Мы, русские, привыкли видеть в наших великих художниках прежде всего художников, и если они порой неосмотрительно пускаются в политику, мы прощаем им это ради их гения.

Верещагин участвовал во многих войнах, и неудивитель-

---

[99] Верещагин, Василий Васильевич (1842–1904) — великий русский художник-баталист и литератор. Персональные выставки Верещагина в Лондоне с огромным успехом проходили в 1873, 1879, 1887 и 1899 годах.

но, что однажды в разговоре со мной он заметил, что люди всюду одинаковы: «все они звери — воинственные, драчливые, кровожадные звери».

Его суждения о войне представляют особый интерес в наши дни, ведь он был не кабинетным философом, но, подобно Франсиско Гойе, воочию видел подлинные ужасы войны. Он указывал на то, что само убийство неприятеля составляет лишь малую долю войны, которая на деле означает голод, жажду и тяжкие лишения, бессонные ночи, изнурительные переходы под палящим солнцем или под проливным дождем.

Верещагин был большим другом Скобелева[100], и это очень сблизило нас. Они вместе прошли через одну и ту же войну; и я помню, что если бы не благоразумие некоторых русских властей, та война могла бы затянуться куда дольше.

Общеизвестно, что Скобелев отличался весьма независимым нравом. Накануне русско-турецкой войны между ним и начальством вышло какое-то столкновение, и он вознамерился подать в отставку и поступить в войска простым рядовым, так как твердо решил сражаться в любом качестве. От этого шага его уберег благоразумный поступок официальных лиц, который в Англии называют умением «вовремя пойти на попятный». Кто знает, что произошло бы, ока-

[100] Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843–1882) — выдающийся русский полководец, генерал от инфантерии, герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов («Белый генерал») и Ахал-Текинской экспедиции, разделявший идеи славянофилов и панславистов.

жись отважный и прославленный Скобелев одним из ведомых солдат вместо того, чтобы стать боготворимым войсками полководцем?

Скобелев был поистине одним из самых обаятельных, пленительных людей, каких я когда-либо встречала. Я была знакома с его матерью[101] еще в ту пору, когда сын был известен мне лишь по своей блистательной славе. Госпожа Скобелева, будучи однажды проездом в Москве, пригласила меня составить ей компанию в поездке на Балканы; однако от этого заманчивого предложения мне пришлось отказаться, так как мой муж был тогда нездоров и я не решилась оставить его одного. Моя супружеская щепетильность, вероятно, спасла мне жизнь, ибо во время того путешествия г-жа Скобелева погибла, и, окажись я рядом с ней, я, по всей вероятности, разделила бы ее участь. Говоря точнее, она была убита своим проводником-черногорцем Узатисом[102], который тотчас покончил с собой, так что мотивы этого злодеяния остались непроницаемой тайной, тем более что он не тронул ни ее бриллиантов, ни денег.

---

[101] Скобелева, Ольга Николаевна (урожд. Полтавцева, 1823–1880) — мать генерала М. Д. Скобелева, возглавлявшая после русско-турецкой войны Болгарский отдел Красного Креста и занимавшаяся устройством приютов и госпиталей на Балканах.

[102] О. Н. Скобелева была убита с целью грабежа 6 (18) июля 1880 года близ Филиппополя (Пловдива) своим конвоиром — бывшим русским поручиком черногорского происхождения Николаем Узатисом, служившим капитаном румелийской жандармерии; при преследовании убийца застрелился.

Однажды я получила письмо от самого Скобелева, просившего разрешения нанести мне визит. Он приехал и говорил — а говорил он в совершенстве. Я же слушала — единственное, что в совершенстве умею делать *я*! Сердце мое все это время билось так сильно, что я боялась, как бы оно не разорвалось в груди, ибо он без конца твердил о своей решимости отправиться в Египет[103] или куда угодно, лишь бы драться, в каком угодно звании, хоть простым рядовым.

— И не стыдно вам, — воскликнула я, — рисковать жизнью, столь драгоценной для России? Оставайтесь дома, оказывайте влияние на нашу внешнюю политику — это ведь тоже благородное дело.

— О, — ответил он, — что до этого, то я убежден, что смерть настигнет меня не на поле брани, а дома, в России. Каждый день я получаю десятки анонимных писем, предрекающих мне скорый конец.

Прощаясь со мной, он спросил, соглашусь ли я принять его фотографию, которую впоследствии и прислал мне с очаровательной и ободряющей надписью: «Ольге Алексеевне Новиковой от восторженного поклонника ее патриотических трудов». Могу добавить, что этот прекрасный портрет находится ныне в Москве, в Румянцевском музее.

---

[103] Летом 1882 года в Египте разгоралось национальное восстание Ораби-паши против британского вмешательства (приведшее в июле 1882 г. к бомбардировке Александрии английским флотом).

Две недели спустя его не стало[104].

Верещагин описывал мне некоторые ужасы болгарской кампании. Я охотно закрыла бы уши, чтобы не слышать о них, но в ужасном есть некая странная и мрачная притягательность, особенно когда о нем рассказывает человек такого масштаба, как Верещагин.

Он видел, как турецких пленных гнали на север, в Россию, и какие муки они терпели в пути. В довершение всех бед ударили ранние морозы, и несчастные люди, истощенные долгой осадой [Плевны], падали у обочины дороги и замерзали насмерть.

Эти сцены помогли ему впоследствии написать картину «Отступление Наполеона из Москвы»[105]. Сегодня особенно любопытно вспомнить слова Кайзера[106], сказанные им при осмотре выставки картин Верещагина в Берлине. Он долго и пристально вглядывался в полотно, и в особенности в фигуру Наполеона, бредущего по снегу. Передают, что он заметил тогда, будто подобные картины служат лучшей гарантией против войны. «И все же, — добавил он, — несмотря на это,

---

[104] Генерал М. Д. Скобелев скоропостижно скончался при загадочных обстоятельствах в Москве в гостинице «Дюссо» 25 июня (7 июля) 1882 года на 39-м году жизни.

[105] Имеется в виду знаменитая серия картин В. В. Верещагина «1812 год» («На большой дороге. Отступление, бегство...», «Ночной привал великой армии» и др.), над которой художник работал в 1887–1895 годах.

[106] Германский император Вильгельм II (1859–1941) посетил выставку В. В. Верещагина в Берлине в 1897 году и долго беседовал с русским художником.

всегда найдутся люди, желающие властвовать над миром, но все они кончат точно так же».

Было ли то невольное пророчество или просто фраза, брошенная с целью усыпить бдительность современников относительно его собственных замыслов? Во всяком случае, весьма показателен тот факт, что Кайзер запретил воспитанникам военных училищ осматривать «Отступление из Москвы». Выводы из этого каждый может сделать сам.

Верещагин приезжал в Лондон по случаю своей выставки, и тогда мы очень часто виделись с ним. Внезапно его вызвали обратно в Россию; он пришел ко мне и объявил о своем намерении немедленно уехать.

— Но послушайте, — возразила я, — вы же не можете бросить свои картины на произвол судьбы.

— При них остаются двое моих слуг, — ответил он. — Они за всем и присмотрят.

— Но ведь они говорят только по-русски! — запротестовала я. — В Лондоне это им мало поможет. Как же они смогут вести ваши дела, не зная ни слова ни по-английски, ни по-французски?

— О, всё образуется, — беспечно ответил он. — Как-нибудь справятся.

В этом был весь Верещагин. Кончилось тем, что я сама вызвалась присматривать за его делами и каждое утро отправлялась в галерею проверить, не требуется ли какого распоряжения; а служащие галереи, по-видимому изумленные

подобной преданностью со стороны приятельницы, упорно величали меня «мадам Верещагиной».

Верещагин стал одной из первых жертв русско-японской войны[107].

[107] В. В. Верещагин погиб 31 марта (13 апреля) 1904 года вместе с вице-адмиралом С. О. Макаровым при взрыве на мине эскадренного броненосца «Петропавловск» близ Порт-Артура.

Глава VI. Император Николай I

Миролюбивый Император. — Императорский недостаток. — Похороны бедняка. — Визит Императора к моей матери. — Мои злоключения. — Доброта Императора. — Отповедь юной ingénue. — Стремление Императора к союзу с Англией. — Возражение князя Горчакова. — Славянский идеал. — Россия и Константинополь. — Восхищение Бисмарка. — Как он поставил в тупик депутата Рейхстага.

Примечательным примером сближения (*rapprochement*) между Англией, Францией и Россией задолго до того, как Тройственное согласие в политике стало свершившимся фактом, послужили изыскания геологического строения Российской империи, предпринятые три четверти века назад тремя ведущими светилами науки. Сэр Родерик Мурчисон, г-н де Вернёй и граф Александр Кейзерлинг[108] были назначены своими правительствами для проведения совместной экспедиции и по итогам своих трудов написали книгу

[108] Имеется в виду знаменитая геологическая экспедиция по Европейской России и Уралу 1840–1841 годов, организованная по повелению императора Николая I и министра финансов Е. Ф. Канкрина. В ней приняли участие выдающийся шотландский геолог сэр Родерик Импи Мурчисон (1792–1871; именно по итогам этой поездки он выделил и назвал «пермский период»), французский палеонтолог Эдуард де Вернёй (1805–1873) и русский ученый граф Александр Андреевич Кейзерлинг (1815–1891).

под заглавием «Геология Европейской России и Уральских гор» (*The Geology of Russia in Europe and the Urals*), изданную Британским музеем в 1845 году в двух томах. То было поистине многообещающее начало, которое можно назвать предвестником широкого сотрудничества между этими нациями задолго до того, как Антанта вошла в область практической политики. Во всяком случае, это служит доказательством того, что между великими Союзниками существует естественная духовная близость и что наш союз отнюдь не является вопросом одной лишь политической выгоды.

Всё это происходило в царствование Императора Николая I, который всегда стоял за мир и, в частности, за согласие с Англией. С тех дней вся обстановка в Европе изменилась — или, вернее, кажется изменившейся. В действительности же это не так. Несколько человек сделали над собой усилие, чтобы открыть глаза, и обнаружили давно утвердившийся факт. Вот и всё. Открытие это, несомненно, важное — столь важное, что нервные политики вызывают в воображении мнимые трудности и взывают ко всевозможным магическим заклинаниям: «Европейское равновесие!» — кричит один; «Непосредственная угроза!» — вторит другой; «Традиционная политика!» — восклицает третий. Но все эти призывы с тем же успехом могли бы и не звучать. «Вновь открытый факт» уже многие годы известен русским людям, хотя проницательные западные умы разглядели его только сейчас. Впрочем, вполне естественно, что мы узнали о нем

первыми, ибо он касается нашего Государя. Европа научилась чувствовать, что на российском престоле вновь восседает Император Николай и что еще в лице Александра III даже самый властный из канцлеров встретил Монарха, которого никакое запугивание не могло устрашить и никакая угроза не могла свернуть с пути долга. Некоторые англичане, с сожалением должна признать, не любили памяти Императора Николая I, чьи благородные и великодушные качества всё более и более ценятся Историей. Император Николай I, вне всякого сомнения, во многих отношениях был незаурядным человеком. Властным он был, спору нет — но ведь это чисто императорский недостаток! — однако при этом он был не только бескорыстен, но и в высшей степени великодушен и благороден. О его добрых делах можно было бы написать целые книги.

Однажды в морозный зимний день он ехал по улице и заметил убогие дроги с еще более убогим гробом. За гробом никто не шел, а юный возница, почти ребенок, горько рыдал, явно подавленный своим горем. Государь остановил лошадь и спросил, кого хоронят.

— Это мой отец, — сквозь новый поток слез ответил мальчик. — Он был слепым нищим, и я за ним ухаживал.

Император вышел из саней и пешком последовал за скромным гробом до самого кладбища. Разумеется, многие прохожие последовали примеру Его Величества, и похоронное шествие превратилось в необычайное зрелище. Необы-

чайное, но прекрасное — отеческое, еще раз явившее миру живую связь между великим Самодержцем и его народом — связь, основанную на преданности и доверии. Будучи совсем маленькой девочкой, я сама испытала на себе доброту его улыбки и ощутила защиту его могучей руки.

Если мне позволено будет еще раз повторить эту историю, я вспоминаю, как после кончины моего отца Император Николай I нанес моей матушке визит соболезнования и пожелал видеть своих крестников[109]. Вывели двух моих братьев и меня. Поскольку я была единственной девочкой, гувернантка перед входом в гостиную дала мне строжайший наказ «держаться прямо и сделать глубокий придворный *реверанс*». Проникнувшись важностью своей новой роли и горя усердием, я постаралась изо всех сил — что, увы, обернулось сущим конфузом: я присела так глубоко, что внезапно всё поплыло у меня перед глазами, и я опрокинулась навзничь прямо к колонне. Полный ужаса взгляд матушки — потолок с расписными цветами и амурами — отчаяние и растерянность! Но всё это длилось лишь одно мгновение. Дорогой Государь бросился ко мне, подхватил мои дрожащие ручки и принялся хвалить меня так, словно я и впрямь покрыла себя не позором, а неувядаемой славой. Так он ободрил и осчастливил меня. Люди, знавшие его близко, отзываются о

[109] Император Николай I (1796–1855) был восприемником от купели (крестным отцом) троих детей А. Н. и А. П. Киреевых — Александра, Ольги и Николая. Их отец, Алексей Николаевич Киреев, скончался в Москве от холеры в 1849 году, когда Ольге было девять лет.

нем с безграничной преданностью. Но обаяние, которым он обладал, нисколько не умаляло повелительной, сознающей себя силы, жившей в нем. Ибо он был силой — быть может, величайшей силой своего времени.

Великие и неожиданные шаги, предпринятые его внуком, позволили нам надеяться увидеть ту же решительную преданность родине в нашем нынешнем правителе, Николае II, — и мы надеялись не напрасно.

Император Николай I был очаровательно учтив и добр к молодежи. Так, однажды Двор прибыл в Москву, и московское дворянство давало блестящий бал для встречи Их Величеств. Разумеется, все молодые девушки мечтали быть представленными по этому случаю. Одна из них отличалась необыкновенной красотой и привлекательностью[110]. Государь обратился к ней с несколькими словами, выразив удовольствие от знакомства. Она посмотрела на него довольно сурово, не проронив в ответ ни звука.

— Разве вы не слышите, что я говорю? — с некоторым удивлением спросил Император.

— Нет, отчего же, — сухо ответила барышня, — я слышу, но не слушаю! (*J'entends, mais je n'écoute pas!*)

Император, чрезвычайно позабавленный этим оборони-

---

[110] Описанный случай произошел в Москве с юной княжной Александрой Петровной Оболенской (в замужестве графиней Комаровской, 1831–1890) либо с одной из московских барышень круга Киреевых (по другим версиям мемуаристов, сходный ответ приписывался юной фрейлине М. А. Нарышкиной или кн. Е. А. Долгоруковой).

тельным тоном там, где ему и в голову не приходило нападать или обижать, подошел к Императрице. «Здесь есть одно прелестное дитя, — сказал он, — необыкновенно забавное и невинное. Пожалуй ее во фрейлины». Так и было сделано. По своему общественному положению она имела полное право на это отличие, но всё же эта история всех очень развеселила. Впоследствии она удостоилась многих других почестей, занимала высокое положение при нашем Дворе и скончалась совсем недавно.

Одним из заветных желаний Императора Николая I было установление такого тесного и сердечного союза между Россией и Англией, который уже в то время послужил бы прочным залогом мира во всем мире. Именно стремление скрепить этот союз побудило его обратиться с теми откровенными предложениями к сэру Гамильтону Сеймуру[111]

[111] Сеймур, сэр Джордж Гамильтон (Sir George Hamilton Seymour, 1797–1880) — британский посланник в Санкт-Петербурге в 1851–1854 годах. В январе — феврале 1853 года Николай I провел с ним ряд доверительных бесед о будущем Османской империи (именно тогда прозвучало крылатое выражение о Турции как о «больном человеке Европы»). Накануне Крымской войны британское правительство с целью дискредитации России в глазах Франции и общественного мнения опубликовало секретные донесения Сеймура об этих беседах в тенденциозном свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.